

СМЕНА

19-36

63
37

Говорит тов. Сталин

«Основная установка партии в данный момент состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту и в области промышленности и в области сельского хозяйства. XIV съезд был, по преимуществу, съездом индустриализации. XV съезд был, по преимуществу, съездом коллективизации. Это была подготовна и общему наступлению. В отличие от пройденных этапов, период перед XVI съездом является периодом общего наступления социализма по всему фронту, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности и в области сельского хозяйства. XVI съезд есть съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества, как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации. Вот вам в двух словах существо генеральной линии нашей партии. Правильна ли эта линия?

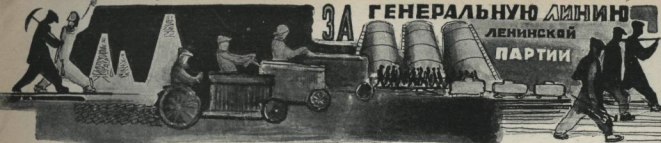
Да, правильна. Факты говорят, что генеральная линия нашей партии является **ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНОЙ ЛИНИЕЙ.**

Лидеры правых уклонистов открыто признали свои ошибки и напутлировали перед партией. Но было

бы глупо думать на этом основании что правый уклонизм уже похоронен. Сила правого оппортунизма измеряется не этим обстоятельством. Сила правого оппортунизма состоит в силе мелкобуржуазной стихии, в силе напора на партию со стороны капиталистических элементов вообще, со стороны кулачества — в особенности. И именно потому, что правый уклон отражает сопротивление основных элементов отживающих классов, именно поэтому правый уклон есть основная опасность нашего времени в партии. Вот почему партия сочла необходимым повести решительную и непримиримую борьбу с правым уклоном...

Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу по два фронта, как с „левыми“, представляющими мелкобуржуазный радикализм, так и с правыми, представляющими мелкобуржуазный либерализм.

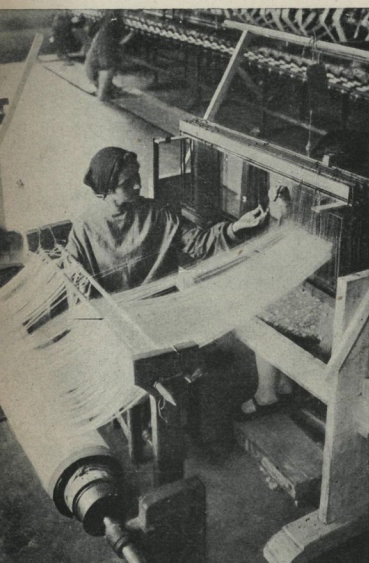
Задача состоит в том, чтобы продолжать и впредь непримиримую борьбу с теми примиренческими элементами в партии, которые не понимают или делают вид, что не понимают необходимости решительной борьбы по два фронта».

Правая оппозиция разгромлена. Но жива мелкобуржуазная стихия. Товарищи, в шахты, к станкам, на леса социалистической стройки. Ни на минуту не ослабим борьбу на два фронта. Ни на минуту не забудем, что главная опасность — правая. Глушит врагов пятилетки гулом новых заводов, бить киркой шахтера, душить колесом трактора

„Мы тоже за... мы тоже за“...
А тройна мчится под уклон,
Но партии остры глаза,
Над правыми шумит гроза —
Фальшивые признания перезвон!

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КAVKAZ

Вверху — производственно-бытовая коммуна молодежи на Сельмашстройе. Внизу — участники эстафеты трудовых достижений.

Работница Тифлисской шелкоткацкой фабрики работает на но-

Привал участников эстафеты трудовых достижений в Бадарах (Крым).

XX 109/1
Пролетарии всех стран, соединитесь.

Смена

№ 19 ИЮЛЬ 1930 г.

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВЛКСМ—Изд. „Молодая Гвардия“

Ответственный редактор С. Кэмард. Заведующий редакцией Я. Юдицкий.
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6, изд-во „Молодая Гвардия“.
Телефон 2-35-26.

МЫ БУДЕМ УЧИТЬСЯ У ТЕБЯ ИСКУССТВУ ПРИМЕНЯТЬ
МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ БОРЬБЕ,

товарищ Сталин!

ГОРЯЧЕЕ ДЫКАНЬЕ

Рассказ С. Малашкина

Рис. В. Люшина

Илья Иванович Многогосов, средних лет мужчина, довольно тугой, с круглым безбородым красивым бабьим лицом, сидел на крыльце своего пятистенного каменного дома и, ковыряя изредка указательным пальцем в миске в носу, глупокомысленно размышлял о человеческой жизни, которая стала дешевле, как он выражался, трехкопеечной свечки.

— Ну, разве это жизнь, а? Скотины лишнюю пущу — налог, Поросяна завешешь — налог, Чихнешь лишний раз — налог. А тут еще колхозы, прости господи, какие-то завелись и уже в моду вошли... А все это трактора и машины разные принаывают дураков!.. Эх, долбаны, на трактор падаетесь! Раньше-то бывало землю сохой обрабатывали... Да-да!.. И на ней, матушке, бывало вырастала рожь, соломой в граблишки хороши! Так-то вот, потчешьте! А урожай она давала с десятину двадцать пять копеек, а то и больше... А теперь?.. Эх, май... Одна сука серьезная на всех!.. Многогосов не заметил, как бесшумно вышел из своего дома сосед Мимани и приоблазил-ся к многогосовскому пыльному дому. Многогосов растерянно смотрел в другую сторону. Направо, недалеко от усадьбы Многогосова, всего через один выгон и напротив березового лесочка, кипит работа в бывшем хуторе купца Котена: бригада молодежи во главе с Пронина ремонтирует почти заново полуразрушенные бывшие котенские строения. За эти месяцы они совместно с активистами-крестьянами ударным порядком привели в исправность полуразрушенный двор, отделили стога, поставили новые стропила, зарешетили и покрасили соломой. Сейчас вот, все эти дни, они ремонтируют ригу, заблаговременно готовясь к рабочей страде. Им помогают и в этой работе крестьяне-активисты; среди этих крестьян работают довольно пожилые и даже старики. Молодежь, атаковав колхозный ригу, длинными деревянными вилами, подает промоченую наисово солому. Старик ловко, деловито подхватывает граблины и расчесывая ее, кладет прядки на решетник, принимая ногами, и крыша быстро растет под ними. Старик сосредоточенно веселя, улыбается, шутит с молодежью. Весенний апрельский ветерок раздувает их последние борды, шевелит на открытых головах исплетенные жесткие волосы. Молодежь, поддавая на крышу солому, прямо на опрокинутые верху зубьями грабли кровельники, бойко отшучивается, молодого и возбужденно зенит расчесывать смехом. На дворе и воле двора также идет работа: Яна Боград, Сени Иванов и Федя Торрин, комсомольцы, выполняя обязанности конюхов, по очереди выводят лошадей из конюшен и тут же воле врозь, прямо на полянке, чистят скребницами лошадей, промывают им копыта. Другие в это время, пока товарищи ухаживают за лошадьми, очищают от навозиншегося за ночь навоза конюшни, кладут навоз на тачки и вывозят его на улицу. Тачки гулко, как молодой весенний гром, гудят по деревянному полу коридора до зданых ворот двора и там легко опрокидываются. От парного навоза, яркого на солнце, как бронза, струится

сильный легкий дымок. Многогосов раздраженно отхертывается, скрипит, как немаяный рыдник.

— А все дергает эти желторотые! Порядком убеждают!.. Сами работают, как черти!..—Тут Илья Иванович, вспомянув Яну Бограда, присланного на работу с завода, окончательно рассерпел, так поборова и сузил глаза, что даже глазных дырок не осталось, один только ослепе жгучие мешки хольмика.—Вот еще прислали анучку-то!.. Нам одного Алешки Пронина, этого негодая, хватяю бить!.. Работайте! Работайте! Все равно ничего из вашего бесовского дела не выйдет!.. Все приход разлетится!.. Глаза-о не вы, сукиных детей, не смотрите!.. Света божьего больше-б не видеть!.. Эх май!..

— Да и свет-то, Илья Иванович, теперь не боится!

— Не бойся? — Многогосов медленно повернул шарообразную голову в сторону соизвещающего голоса. — А-а-а!.. Захар Терентьевич, мое почтение! Я тебя уж давненько тут подкаждю. Поднимайся ко мне на крыльцо. Попрошаю по душам!..—А когда Захар Терентьевич Мимани вознес на ступеньки многогосовского крыльца свое легкое дробное существо с сизой кинообразной бороденкой и с живыми ореховыми глазами, Илья Иванович Многогосов подскочил в его сторону и так сузил зеленые глаза, что даже почти стало не видно волнистых зрачков: они возникли сейчас были не больше зерен размоченной чечевицы.—Так ты, Захар Терентьевич, говоришь, что и свет стал уж больше не боится, а?!

— Не бойся, а ситана в нем наслаждается и тризну свою справляет...

— Что ты, Терентьевич, одумайся! Как это возможно, чтоб бог допустил свою землю до такого поругания?!..—Тут Многогосов пытался поглядеть на зерно своего соседа. Захар Терентьевич Мимани в свою очередь сколько-нибудь острыми глазами на Многогосова и, разглядывая сухоную бороденку, авоник, подмываемые ироническим хохотом раскатылся:

— Кхе-хе!.. Ну и дела пошли!.. Кхе-хе!

— Чему ты, Терентьевич? — склонив подбородок, улыбался Мимани Многогосов,—аль ветра подул жаркие на нашу мельницу? И Многогосов, возвысивсь с сморщенное и трясущееся от смеха Миманиское лицо, сам содрогнулся от внутреннего смеха и пошел и пошел колыхаться всем огромным массивом туловищем, то и дело скандывая вверх красную беззвучную голову.—Кха-ха-ха... Боль в сердце и смех... Кха-ха-ха!

— А с колхозами-то того,—прошепел сквозь дышник свой хохоток Мимани,—провалялись! В Подосинах в колхозе осталось только 30 семей... Кхе-хе!.. В Знаменке и того не осталось... А и Николаевке все разнесло... Даже семена... Кхе-хе!.. Наши мужики тоже затосковали, места никак себе от тоски не подищут. Кхе-хе!.. А тут наши ребята их поджуживают... Так вот они совсем раскисли, ночью, сейчас вот собрание собирают, чтоб порешить окончательно с колхозом... Кхе-хе!.. Так-то вот Иваница, работка наша не пропадет: она, как ртуть, землю точит... Кхе-хе... — Мимани уже не хохотал, а жалобно подхихкивая, вытирая розовым платком свое

вспотевшее лицо, похожее на сморщенный и волосатый козочек.— Кхе-кхе-э-э!

Судья Мямлина, Многогонов давно уже не смеялся. Он, напав на глаза жирные безолозные брови, так толкнул Мямлина в бок, что тот бурно прискочил кверху и сразу воззрился на Многогонова поодушными ореховыми глазками.

— Друг!—остривая, вылоупенным взором Мямлина, изрек громлоподобно Многогонов,—что же поверие решительно психологично народа в нашу стору? Так идем же сейчас на собрание, а?

— Друг,—услаиваясь, прошепселя Мямлин,—и ведь и прибедна только в этом, что тебе на собрание!—Тут дружок с грохотом скатился с крыльца, так что долго после их скрипящие сосновые многогоновские прутьи. Когда припожаловали Многогонов и Мямлин, собрание уже было в полном сборе, и оно, как море в зыбкой неустойчивости, Грозно было изрядно примята, притоптана мужицкими ногами и, несмотря на раннюю весну и таяние, бстелла, как асфальтовая дорога. Мямлин, несомненно, угдал настроение большинства собравшихся, был уверен, что они никак же развлекать с колхоза, забурят из общественного двора своих лошадей и будут жить опять по-старому, как они и жили вот до этого антихристового времени. Многогонов, однако, так не размышлял, как его друг Мямлин. Многогонов пристально наблюдал судачим взглядом за мужиками, заговорившая с ним, но мужики, косясь друг на друга, сторонились с ухмылкой от него. Многогонов некоторым мужикам пробоваля говорить про статью Сталина, похваляясь выразился по адресу автора:

— Товарищ Сталин прав! Иные колхозы могут только создаваться добровольно, но не...—Многогонов не договорил, так как пришли на собрание активисты-колхозники, нагрянувшие оравой комсомольцы с Алешей Прониным, со своим волевым.

— Вот нехорошо!—вспомнил Грозно предья Многогонов и, поджывая губы, отошел к стороне и стал прислушиваться.

Мямлин и другие его соратники вьюнами шарярия в толпе, разрывавшая колхозную жизнь всякими словесными разводами. Слупая противников колхоза и защитников, или организаторов колхоза, мужики мало интересовались, так было чувствительно, что старая жизнь из-под их ног ускользает навсегда. Вот, чувствуя это самое, они все же были неуверенны и в данное время не знали, как им поступить с собой: остаться в колхозе боизно—неизвестное будущее выйти из колхоза—тоже не устойчивое, а еще больше расстраивало,—а вдруг и вправду в колхозе стало лучше, богаче... Вот об этом только и говорят коммунисты и комсомольцы... Вообще, они сейчас чувствовали себя гораздо хуже, чем месяц тому назад, когда они ехали сюда по железной дороге шпунными толпами от одной избы к другой, от одного колхоза села на другой и обратно, по пять раз в день записывались в колхоз и, поругавшись из-за него с бабами, по пять раз в день выписывались из него в колхоз, а бабы, в свою очередь, несли том назад, жизнь была куда приятней и веселее, чем вот эта колхозная, которая давит их скукой, бездельем и темной раздражающей неизвестностью: народы на работу на скотном дворе са общестественными лошадьми они ехали сюда по железной дороге, а за пульт, за насмешку над ним. Так вот они и задумали порешить с колхозом—благо и примеры в других деревнях имеются! Но как порешить, они все же не знали; а главное—им было ужасно стыдно: ведь никто их не загонял силой в колхоз, а вошли они в него сами, добровольно, даже, как говорят сейчас, с инициативой, и организовавшись, назвали его громким именем и послали кивачевую телеграмму в окружном, что они ели на олену падь не отступят назад, а твердо зашатывают к социализму. Вот об этой-то телеграмме, когда многие мужики подпадали агитации Многогонова и Мямлина, комсомолец и председатель колхоза, синеглазый Алеша Пронин, напоминая собравшимся, ударяя обильнее себя в грудь:

— Товарищи, да вы же могли сказать на вес СССР...

Мужики закатывались, как бы на них на всех сразу навалился отчаянный грипп; откатывались, покраснев и отступая немного назад, от Пронина, праясь за спины сторонников колхоза, бросая отрывистые слова, в роде гуляния:

— Да мы что! Мы ничего, а колхоз мы не нарушаем!

— Граждане,—заявляя из толпы Клепни, выдвинул поджарый мужик с козырной краснотой бородкой, с выпученными бесслезными глазами,—нам-то, конечно, все равно где быть, а вот каково нашим лошадям! Хорошо ли им в колхозе—это вопрос? Мы, конечно, граждане лошадиного чувства, а значит, так-то тебе сердце-то было, граждане, им ужасно плохо в коллективе, а мы их, можно сказать, принуждаем, неволим?!.. Вон, к примеру, моя кобыла очень нежная и всегда, когда я гаюжу на нее на общественном дворе, все время на меня со слезой смотрит, как будто, мне же граждане, говорят мне: «Скуси сын ты, Клепни, я не хозяин мне, когда отдала меня со своего двора на чужой двор!» Как вспомню, я свою кобылу, так кошки и запараною по самому сердцу! Тут я и скажу себе: «Клепни, шаромыжник и злободуша ты скважи, да где у тебя сердце-то было, когда ты отдавал со двора свою бланку, а?» И Клепни, смахивая рукавом шубы с животного лица слезу, круто повернулся спиной к Пронину и шагнул в толпу.

Многие мужики, протиники колхоза, такой речью были поражены, а главное они полагали, что для их народа предья отказывали от колхоза. Многогонов заметил, как у этих мужиков за сверкала лукавством глаза, а сами они нахались надеждой, что вот-вот избавят от колхоза и выйдут из него без позора. Почувствовав такой выход, мужики разноебно заглядели, зазвучали:

— Знамо не спросили!.. Разве мы хозяева своей скотине!.. Ежедневно она бесовская, так и пыхит ее куда не надо!.. Пастух, можно сказать, чужой, наивный, и тот лучше, душу имеет!..

— Все, однако, знали, что они, мужики, говорят неискренно, но зато с жалостью, занимается демагогией, все время жаеают сорвать организацию колхоза, но не знают только как и вот сейчас только вышли выходы, но все еще не знают, как выйти с неограниченной чьейю из этого выхода и всю вину свалить на своих лошадях, которые-де не жаеают быть в коллективе!.. Пока они так собирали и думали, как выбраться через найденный Клепниным выход, выкатывали на середину собрания Мямлин и ласково заивали:

— Пусть, граждане, сами лошади этот вопрос решат!

Все историки, усталившись с любовью и надеждой на Мямлина. Бурно размахивая руками, Мямлин долго, значительно и туманно философствовал. Мужики ничего не рассуждали на мямлинский философизм,—уж больно мудрено говорил, намекая на какое-то беспрестанье. Тут выступил на сцену опять Клепни. Разглаживая мутную козыльную бородку, Клепни отрубил с размаху:

— Мого тут язык-то чешет!.. Надо всех лошадей сразу выпустить со двора! Ежели они побегут к своим былым хозяевам, то мы, значит вы из колхоза: значит, граждане, лошади не согласны!.. Поинтню? А ежели они побегут опять, значит, обратно в общественный двор, то и мы останемся в колхозе... Вот надо как и сразу...

— Га! Вот это зерно!—подхватили образованно, с какин-то азарту мужики.—Пусть наши лошади скажут!.. Ежели они за колхоз, то и мы не против...

Алеша Пронин активисты растерялись. Потемнев в лице, Алеша Пронин возмутился:

— Граждане, что вы делаете?! Да ведь над нашим скотом не только Многогонов пометается, но и куры с петухами захохочут!..

Но вида, что его никто не слушает, Пронин сердито выдохнул и покинул собрание. За ним последовали активисты и сторонники колхоза. Остальная масса направилась к общественному двору. Алеша Пронин и активисты не выдержали гордости—тут было не до гордости—и тоже повернули к колхозному двору, поглядывая на лошадей, как они будут решать судьбу колхоза. Вот толпа густо и шумно подвдвала ко двору. Из толпы вышел Мямлин, подталкиваемый Многогоновым, и от имени толпы приказал коныхам вынуть из конюшни лошадей. Кобылки, чинившие на узде четырех лошадей, поглядели друг на друга, а затем на толпу, отыскывая Пронина и других членов правления колхоза:

— Товарищ Пронин...

Пронин прокричал, задыхавшись от волнения:

— Вышкрякнет! Ну их к чорту буюзоров! Мы останемся в колхозе одни!..

Рассквус в чем дело, комсомольцы ухмыльнулись и пошлал выпустить лошадей. Лошади, гулко стуча копытами по деревянному полу двора, быстро выбежали одна за другой из ворот и, выдмая жаром и дугот швыря, галопом пронесли на выгон, обдавая мужиков, летящими из-под копыт комьями земли. Мужики, затая дыхание, разглядывали лошадей и не узнавали среди табуны своих синок и меренков: лошади их были откормлены, причесаны и, как лаком, сверкали на солнце разноевнот шерстью. Поиграв с полчасца на выгоне, сытые и довольные лошади не вспоминали мужиков грозных заук и дворов, а таким же веселым галопом одна за другой потинулись в общественный двор, играя и сбрыкая. Яна Бродяг, низкорослый, но кряжистый парен, шлепнул ладонью бланку по дымчато-бархатному крупку, когда она возвращалась на двор, а затем с добродушным лукавством поглядел лучистым взглядом на растерянного Клепнина:

— Как на тебя, товарищ, твоя бланка посмотрела ничне? Насушвились, Клепни ничнего не ответил конюху.

А когда лошади вернулись обратно на общественный двор и комсомольцы закрыли ворота, мужики крякнули и, потунив глаза, разочарованно пробормотали:

— Раз лошадям в колхозе хорошо, то и мы, конечно, не против... Да мы и никогда не были против!...—И один за другим стали расходиться по домам.

ИЗ СЕЛА В СЕЛО

ВАГОН

Нашей бригаде отведи четыре вагона. Я очень много ездил во всякие поезда. Безразличны для оседлых людей характер вагона всегда бросается в глаза путешественнику. Нужно присмотреться к многим вагонам, чтобы резко отнаться их. Каждому историческому периоду соответствует особенный характер вагона. Все помнит теплушку двадцатого года. Она описана так подробно, что можно составить вполне научное исследование о населении, одежды, одежде, инвентаре, пище, торговле и промышленности теплушки двадцатого года. Потом пошли мирные извозные поезда, разделенные на классы и не оставившие особенных воспоминаний.

Наш вагон представлял собой уже нечто новое.

Вагон населен удальными бригадами. Наша бригада занимает четверть вагона. нас двадцать человек. Четыре поезда зниты бригадой свердловцев. Все едут на поселковую кампанью в Сибирь. У вагона семья извозных. Они едут в отъезд, высланному в Сибирь.

Наш ребята все одеты в защитные френчи и галифе. Это одежда солдат из спектакля «Семья дыбом». Мы похожи на военных людей. Свердловцы, едущие занять руководящие посты в Иркутской округе, все одеты в одинаковые московские шпиджаки. Они напоминают компанию счетоводов и обыкновенно играют в подкидного дурака. В остальное время они ведут философские споры. Спорщики горчатся больше всего, когда речь идет о профессорах. У каждого есть любимый профессор. Противника обвиняют в антиидеальности.

Только один Многосонов, потеряв последнюю надежду на лошадей, был вне себя от ярости. Отправившись домой, он пообщал мужикам чорта рогатого, и на возмущению и на этот раз справедливо бросил мушкетера в догонку:

— Черт, на лошадей погнаешься, что они голосудят за вас! Так вот они и голосудили! Хорошо бы на вас щекотать напугать, чтоб он пропелачта вас в газете, как следует! Эх вы, ироды! Когда же вы будете жить своими мозгами, а не лошадыными! А?

Мужики, чтоб не слышать многосоновской едучей, как яраван, критики, виее склонили посрамленные головы и еще быстрее зашагали по дороге.

— А верно, пожалуй, какой-нибудь писакса пропнетит, что за нас лошади голосовали!—ныряет до комсомольских брызгущих добродушным смехом глаз в сенца своей бабы, тревожно размахивая поест такого кауза каждый мужик.—А все это дело агитации Многосонова и Мямлина, а сейчас, гляжу, издается...

ЭПИЛОГ

Мужики после такого сражения, на котором лошади сознательно отставили колхоз и похоронили своих бывших хозяев, принялись дружно и горячо за укрепление своего колхоза, а в дни весеннего сева так поработали, что попали на «красную доску» и были весьма восхвалены в окружной газете. Кроме этого, Многосонова и Мямлина, чтоб они не баламутили колхозников, мужики «всем миром» выгнали не только из пределов села, но из пределов и округа. Алена Пронин стоит в главе колхоза, а граждане его руководящим чрезвычайно довольны. Встретив недавно Пронина, я спросил у него:

А. Гаузер

Недавно вернулся из поездки по деревням Бобров ударная бригада гос. театра им. В.С. Мейерхольда. Мы помещаем заметки из записной книжки одного из участников бригады.

В ответ он выдвигает обвинение в эклектике. Особенно горит в споре Маркин, бывший матрос, иезидит бронекозла, писакса, свердловцев и, наконец, секретаря Минусинского райкома ВКП(б). Он не может забыть двадцатого года и вивьичится со своим музороком, оставшимся от боевых дней.

Наш ребята тоже усвоили студенческую привычку спорить. Мы спорим о театре и живописи. Все ребята увлекается лекциями Тарбукуина и собирают открытки. Крестянин Мартынов перематривает свою коллекцию. В соседнем купе репетируют, и мне слышен голос Гаукова. Он говорит: «Ниче есть из того оперетт! Группы бедняков крепко сложен!» Мы слышим сопротивление кузакон!» Сичев выходит из этого купе и делает Мартынову замечание по поводу композиции у Питера Бреггеса Старшего. Тот не соглашается с ним. Начинается спор. В него вмешивается вернувшийся с репетиции Шульман. Спор становится ассоциацией. Имя Питера Бреггеса Старшего и замечания по поводу овалыной и крестообразной композиции заглушают весь остальной шум в вагоне. Наша бурная деятельность не дает спокойной жить семье извозных, едущих в угуз вагона. Тисаца именитых имен и терминов, выкрикиваемых со страшным пылом, обрушивается на них, мешая спать или читать романы.

Большинство наших ребят начало учиться

недавно. Многие из нас участвовали в гражданской войне. Свердловцы, все четверо активно участвовали в гражданской войне. Изъямы в угуз, возможно, месячными тогда. Таким образом, население теплушки двадцатого года налицо в нашем вагоне. Удобное, удобное, дружное, иезидит место при сходной отчасти ситуации. Но какая перемена в бычлах, одежде, инвентаре, пище! Философские споры, пусть неуклюжие, заменили матершину. Вместо опорок и колхозов бойцы одеты в костюмы, купленные по рабочему кредиту. Сырая востумка хлеба заменена вилею удовлетворительно. Мы едем делать революцию, как тогда. Но приподнятость настроения не мешает нам спорить о Питере Бреггесе Старшем. Мы доводим до слез единственного оказавшегося среди нас труса, напуганного сухими о кузачьих наваждениях. Но мы не выкидываем в степь из вагона измяном, как поступали тогда; зато спекулянт теперь обезрежен окончательно.

Вот вторм осенн тридцатого года, каким он мне представился за четыре дня.

БРИГАДА

Мы похожи на военный отряд. Все ребята одеты в защитные френчи и галифе. Строгая дисциплина установлена у нас. Мы ничем не похожи на бродячую актерскую труппу. Мы ударная бригада актеров. Нам дана задания. Мы точно выполняем их.

Вот распорядок нашего дня.

В восемь часов утра ребята все на ногах. Логинава, Шульман и Гаузер делают зарядку. Мартынов и Басилов занимаются дикиней. Они стоят рядом и говорят: абыба, абабу, абабабу, абабабу. Вотим-

— Ну, а как познывают в вашем колхозе лошади? Они все так же сознательно ведут себя, как и вначале?

Пронин добродушно улыбаюсь:

— Наши колхозники ужасно обижаются, когда им напоминают про то собрание... Ежели будете от наших сознательных лошадей писать отчет или там рассказ—о них надо написать—не о людях же все время писать!—то пожалуйста не называйте по имени нашего колхоза, села и района...—И Пронин, немного подумав, добавил:—округ, конечно, упомянуть можно...

— А почему?—подобноспрашивал я.

— Уж больно колхозники стыдятся этого эпизода с лошадыми.

Они говорят: «Лошадь оказалась сознательнее нас. А потом соеди насмехаются, хотя добродушно, но все же насмехаются!»—Затем Алена, глядя всеми глазами мимо меня, добавил:—Вообще, они просили меня передать тебе: надо позвать этот анекдот.

— Будь спокоен, товарищ Пронин, я даже и округа не знаю... Я постараюсь не дать «кривым» этому анекдотическому собранию. А анекдот из это, Алена?

Алена Пронин, как заметил я, понял отлично мой вопрос, но корректно промолчал. Просясь дружески с ним, я подумал про себя: «Милый комсомолец Алена, не лошади спасли колхоз от развала, а ты, Яна Боград, комсомольцы и активисты-крестьяне, правды! ты познание генеральной линии партии и воплощение ее в жизнь... Да, да!.. Только в этом рост и процветание нашего колхоза.

«Крепче проучи и социализму»...

Только в этот горючие дыхание надвинулось весна...

А все, проче, поверь, Алена, вниманию анекдот!

1930 г., с. Хорошие Воды.

лов вернитъ салто. Онъ показываетъ отличную арматурную вышку. После чина инструктора Сайчен, Фролов, Глеков чинъ беседовать съ избачами и членами театральны кружокъ. Политрукъ Шульманъ уходитъ въ ячею. Мартыновъ, Басиловъ и Гаузеръ удаляются читать. Мартыновъ читаетъ «Старые мастера» Фромантея. Басиловъ читаетъ «Социологию искусства» Фриче. Гаузеръ читаетъ «Философию новой философии».

Бесспорно, мы ничемъ не похожи на старыхъ актеровъ. Намъ на кругъ по двадцать три года. Все мы выросли в суровой боевой обстановке. Намъ неизвестны ни легкомыслие, ни распухлость актеровъ старого театра. Мы солдаты революционного театра. Но мы чересчур солдаты. Мы грубы, сварливы, и политрукъ Шульманъ вбиваетъ в нас основы культуры чуть не прикладомъ. Только железная дисциплина бригады, системы выговоровъ и угрозы постепенно изменяютъ наше сознание, придавая ему бытие. В насъ нехватаетъ будущего. Мы появляемся, готовящие социализмъ, но не знающие его вкуса. Потому между насъ принято видеть Басилова. Этотъ парень, рабочий и сын рабочего, отличается удивительной восприимчивостю. Онъ в насъ не стесненъ условиями, что, с трудомъ стараются принести остальнымъ. Онъ умеетъ вести себя. Онъ умеетъ работать. В своей роли онъ отделяетъ каждый жест. Онъ умеетъ учиться. Ни разу онъ не пропустилъ учебныхъ занятий: аркашки, дикции, отдели роли, чтения. Онъ умеетъ говорить. Его вопросъ и ответъ всегда обдуманы. Онъ умеетъ себя. Онъ умеетъ дышать. Онъ предпримчивъ. И все это опирается на инстинктъ, а на отлично воспитанное общечеловеческое чувство нового челока.

В два часа мы обедаемъ. За обедомъ присутствуетъ дежурный. Онъ подаетъ супъ и салатъ жидко. После обеда ребята ситъ. В семь часовъ мы даемъ спектакль.

Дежурные на сцене уже все приготовили. Каждый членъ бригады одновременно: рабочий, стени, бутфайр, гример, музыкантъ, статистъ, премьер и режиссер. Никто не сжигаетъ со своей ролью. Сыгран кулакка, актеръ выходитъ за кулисы и тутъ же кричитъ со всеми остальнымъ: «Долой кулакка!» Агитаторъ в каждомъ преобладаетъ надъ актеромъ. Потому, когда Глековъ в середине спектакля выходитъ в зрительный залъ и раздаетъ зрителямъ агитаторскую, то это не трюкъ, а естественная деталь спектакля. Спектакль начинается. Каждый вечеръ мы имеемъ успех, который заставилъ бы похвалявать самихъ набравшимъ московскихъ актеровъ. Мы отъ вечера этотъ успехъ проедемъ до конца.

Наша бригада напоминаетъ мне токийскій театръ Зеней-за. Я дружилъ в Токио с ребятами изъ этого театра. Они такие же актеры-агитаторы. Она напоминаетъ мне также Берлинскій рабочий театр. Ребята этого театра изъ той же закладки. Но между нами и ними есть большая разница. Они обрываютъ вызовъ буржуазному обществу. Они делаютъ запарильчики. Они динамитчики и разрушители. Мы же одновременно актеры и представители власти. Крестьяне это хорошо понимаютъ. Они не стесняются насъ, какъ интеллигенция, приехавшихъ развлекать ихъ. Нет. После спектакля они приходятъ в уборную за советами и справками. Смывая вазелиномъ нашъ расчетный гримъ, мы даемъ деловые советы и точные разъяснения. Я думаю,

что токиичи и берлинцы хотели бы быть на нашемъ месте.

Но ведь этого-то они и добиваются.

ПРИКЛОЧЕНИЯ

Стонъ перенести наши приключения. Они не случались. Веста тридцатого года вышла бы изъ колеи. После девятидневнаго перекура снова стали возможны приключения. Все ударные бригады, разбросанные по СССР, должны были испытать сходные приключения. Ведь особенность весты тридцатого года состоитъ в ее плановости. Походу произошло одно и то же. Отсюда и плановые приключения бригад.

Когда говорятъ о приключенныхъ временахъ гражданской войны, то представляютъ себе: отрядъ красногвардейцевъ, прирученныхъ в лесу; разстреленнаго матроса, выплывающаго изъ французской моталки; подпольщиковъ в тунду у белыхъ; нападение махновцевъ на поезд. Что следуетъ представлять себе, когда говорятъ о приключенныхъ вестяхъ тридцатого года?

В село Новоеисека намъ пришлось ехать по реке Енисей. Ледъ уже таял, покрывающъ водой и в немъ зияли полынья. По этому льду намъ предстояло проехать десять километровъ. Но мы имели срочное задание объезжать районъ. Мы не могли задерживаться за 6—8 дней, пока откроется лодочное сообщение. Сначала насъ отговаривали. Наконецъ возницы согласились, такъ какъ никто еще не устоялъ. Здесь окончательно терзаютъ вездичь по льду только после этого. В продолжение двухъ часовъ мы ехали на снгахъ по воде. Никто изъ ребятъ не срединял.

Мы приехали в Новоеисеку утромъ. Новую кулакка обстреливалъ здешний кулакка. Они сломали три станиа изъ окна его дома. Когда паренъ проснулся, они долмывали четвертый станивъ. Избачъ выбежалъ на крыльцо и выстрелилъ в воздухъ. Ему ответилъ залпомъ изъ четырехъ револьверовъ. Такъ какъ пули миновали его, то черезъ часъ снова попытались пристрелить его черезъ окно. Онъ отстреливался и кулакка разбежался. Для этой боевой аудитории (Новоеисека—единственное в районе зерноледное кулакка-село), мы поставили спектакль. Место индигенентовъ, к которымъ актеры успели привыкнуть в другихъ селахъ, здесь зашился револьвер. Содержание репликъ было тако, что каждую минуту можно было ждать выстреловъ изъ зрительнаго зала.

Мы возвращались в Минусинскъ. За бригадой— приехалъ грузовикъ. Ребята были счастливы после тряски в телегахъ ехать по-человечески. Но уже на пятомъ километре произошло, что нашъ корпораторъ протекетъ. Мы организовали роульсъ воды в степи. В первомъ же селе машина остановилась чиниться. Ее окружилъ крестьяне.

Мы устроили летучий митингъ. Вскоре машину починили. Мы выехали дальше.

Последующие события развернулись с кинематографической быстротой. На десяткомъ километре выяснилось, что у насъ больше нетъ бензина. Растаивающаго кровото видъ-слухомъ все ругательства, но это не помогало намъ. Мы застряли в степи, в двадцати километрахъ отъ Минусинска.

Шульманъ, Мартыновъ и Глековъ пешкомъ отправились искать транспортъ.

Черезъ два часа вследъ за ними на ветреной телеге поехали Логинновъ и Гаузеръ. Намъ встретился грузовикъ изъ колхоза. Онъ забралъ насъ, и шоферъ сказалъ, что условился с нашими передовыми дядя в бакъ бензину.

Мы победоносно причалили к месту катастрофы.

Нашъ шоферъ наполнил бакъ.

Грузовикъ изъ колхоза умчался, провожаемый бурными овнами.

Нашъ шоферъ стал заправлять бензинъ.

Бензинъ не заветъ.

Нашъ малю ваязъ у колхозниковъ какъ с водой, и не догадался проверить, что передается!

Передовые до ночи ждали насъ на берегу Енисея.

Не дожидаясь, они решили пойти в Минусинскъ пешкомъ. Ночью они перешли таинично Енисей. Мартыновъ и теиоте оставались и пользоваться. Его успели оттащить. Ребята прошли 14 километровъ ночью в лесу.

Вотъ перечень нашихъ приключений.

ИЗ СЕЛА В СЕЛО

Исполняясь нами пьеса очень плоха. В частности, крестьяне говорятъ в ней парочками издателями. Это значитъ, что зрителю очень громко смеются в одномъ месте, которое не должно по тексту особенно смеяться. Я спросилъ одного изъ нихъ: «Какъ же,—ответили онъ мне,—чуждое-то вамъ говоритъ: тар-тараторо! Не скажетъ какъ люди, тракторомъ, а по-чуждому: тар-тараторо!»

Мы уезжаемъ изъ колхоза «Объединенное». На крыльце бьютъ предхождоза. Я падохну послушать. Причина ругани— первая появившаяся в колхозе стенигазета. На ней нарисованъ пьяный мужъ ругательница. Она трижды матерно ругается. Потом она говоритъ: «Ахъ ты, сука! Дайная корову назад! Заманиваешь людей в колхозъ, а потомъ срамшишь! А что, еси и тебя нарисую, кверху ж. 7.—И ты нарисуй,—советую я,—ведь стенигазета для всехъ.—И нарисуешь все его грехи! Онъ у меня не обрзудается!» Новая стенигазетка уходитъ домой.

Вотъ заявление, которое показало намъ предхождоза в самомъ консервативномъ селе района.

«В колхозе «Новый Бытъ» отъ Бузова Ивана заявление. Прошу принять меня в колхозъ. Я по социальному положению беднякъ. Отецъ у меня же идетъ в колхозъ, а я иду хочу строить новую жизнь. Мне 15 лет. В чемъ и подлинность Бузова».

Пиринска пришелъ к намъ в гости. Онъ былъ очень молчаливъ. Насику мы заставили его разговаривать. Онъ пожаловался на упрямство отца с темъ синхроническимъ видомъ, какой бываетъ у отцовъ, жаждущихъ видъ-слухомъ. Видъ этотъ не былъ подражаниемъ. Сходность весты не принята грузовикомъ к старости. Она суть передельное свойство. Она присутствуетъ темъ, что себевъ силе. Потерявъ привычную нову по ногамъ, старикъ превращается в отчаяннаго парня, пропавшаго вестъ с чортоваго матеря. Почувствовавъ себя хозяиномъ, парень стаетъ солиднымъ, рассудительнымъ мужикомъ. Только сейчасъ в деревне можно увидеть первоначальные вружки, дающаго украшениями обычаевъ, морали, мудрости. Они становятся видны только во время перемены декораций.

КТО ПРАВ?

Н. Оружейников

Пусть иные морщатся хмуро,
Но,

товарищи,
глина к болям!

Большевистскую
Литературу

Надо вырастить
Большевиком:

Не теряя ни дня, ни часа,

Рис. Б. Пророкова

Надо звать,
чтобы слово ее

Было мощным оружием
Класса,

А не психологическим
Нытьем.

Из речи А. Безменского на XVI партс'езде.

Споры о творческом методе пролетарской литературы «вытолкнули на поверхность» неоспоримые сдвиги, которые происходят во всем нашем культурном строительстве. В двери литературных лабораторий настойчиво стучится потребности классостроения, торопящего писателей и поэтов с выработкой творческой программы. Выяснение этой программы должно включить литературу в дело социалистической стройки, в дело классовой борьбы пролетариата. Происходит поиски наиболее совершенного, острейшего, выверенного оружия.

С другой стороны, возникновение проблемы творческого метода во всем его объеме показывает растущую силу самой пролетарской литературы, ее образы вращают с собой пеленку годового подражательства.

Учиться писать нельзя было по наставлениям теории словесности, преподававшейся некогда в гимназиях. Нужны были предметные уроки. Материал для этих уроков составляло творчество образцовых писателей прошлого, так называемых классиков. Буржуазная и дворянская литература достигала огромных вершин художественности в лице таких своих представителей, как Толстой, Бальзак, Достоевский, Гоголь, и естественным является стремление новиков в литературе подняться на ту же высоту путем, уже однажды столь удачно пройденным. Отсюда рождается подражание творческому методу Толстого со стороны, например, Фадеева и Либендского. Пورا ученичества прошло, писатели давно схватили фартук подмастерья, но на любом из их произведений лежит явственная печать эхо, какую они прощли.

Тут ничего нет зазорного.

Тот же Толстой учился у многих западных писателей.

Зазорное начинается, когда, повторяя за учителем все и сказанное, бегут шагнуть дальше. Тогда ученичество становится тяжелым грузом, замедляющим и даже делающим невозможным движение вперед.

Поэтому совершенно правы будут предостережения, и не механического учения классиков. Взяв наиболее ценное, остальное надо оторвать и переходить на следующие ступени.

А для того, чтобы определить ценность того, что досталось в наследство от буржуазно-дворянской литературы, нужно вооружиться марксистским, материалистическим мировоззрением. Ведь классики не были небожителями. Они обладали той же классовой природой, как и любой их современник, занявший менее поэтических вешанин. Иногда уставший писатель говорил не та классовая прослойка, в которой он принадлежал к быту. Иногда классовая физиономия писателя затуманена побочными влияниями и второстепенными симпатиями. Но нет писателей, которых можно было бы вывести полностью за собой всех классов, которые отражали бы только общественное.

ПОИСКИ „ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА“

Отсутствие у коммуниста действительного символизма не может быть подлинно выявлено лишь исключительным свободным из искусством, и преданностью революции“.

Ю. Либендский

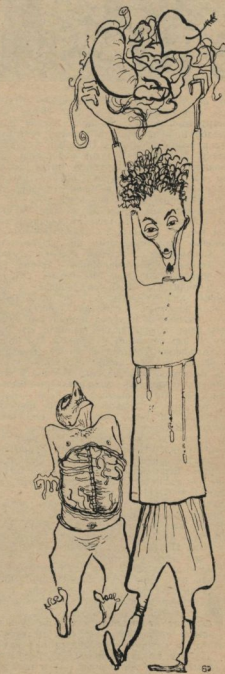
Что же брать у классиков?

Некоторые критики искали выход в том, чтобы расчленил Некрасова и Фета. Содержание, по их представлению, под властью классовым влиянием, — форма же может остаться «беспартийной». Толстой же в «Анне Карениной» писал о вещах, которые определяют его личность великодушеством жизни, его классовым волнением и тревогами. Но форма выявления внутреннего облика людей, форма описания вещей и событий может быть приложена с равным успехом в любой классовой среде и использована для доказательства идеи, обратных тому, что составляло духовное достояние Толстого.

Если стать на эту позицию, то всякие споры о творческом методе становятся бесполезными.

В самом деле, не спорим же мы относительно таблиц умножения, хотя авторов ее, очевидно, нет оснований приписывать к материалистам-диалектикам.

Но наивное представление о полной независимости формы от классового мышления художника составляет сейчас несчастье очень немногих. Общепризнано, что на стили, на творческих приемах классовое сознание сказывается с такой же неотвратимой силой, как и на выборе материала для содержания и его освещения. Общепризнано, что разница в стилях у отдельных писателей определяется не только разницей их индивидуальных дарований: глубокая борозда прорезает там, где сказывается разница общественных классовых позиций. Поэт Фет и поэт Некрасов творили приблизительно в одну и ту же эпоху. Помещик и добротник крепостничества Фет воспевал соловья и розу, томные вздохи, широкие плянья и т. д. Находящийся под влиянием разнородной восставшей против крепостничества среда Некрасов обрадовал своих читателей изобретением страданий крестьян. Разница в содержании ясна. А форма? Пеханов именовал поэзию Некрасова «эпопией». Фет мог дать Некрасову по числу неизвестных, закругленности оборотов, тонкости сравнений сто очков вперед. Но Фет никогда не читался массовым читателем, а на похоронах Некрасова молодежь провозгладала «оболонку» поэта стоявшим «выше Пушкина». Использование обычных оборотов речи, именуемых прозаизмами, введение лесенных размеров, отказ от обычных красок «птицы» у Некрасова прямо вытекали из антинародности заднего его стиха. «Слаждающее», далекое от житейских тревожений искусство Фета своей красноречием призвано было отвлекать от тех забот, которые волновали его современников Некрасов влагал персты своей музы. Отсюда разница стилей. Отсюда различие творческого метода. Таких параллелей можно было бы привести огромное количество. В общем творческом методе находят свое отражение потребности того или иного класса. Класс подневольный или только что

утверждающийся в господстве прибегает к острому оружию сатиры. Такая издевка над современным обществом, сводящая в чудесных рассказах о Гулливере, изложивших Синфитом, без всякого углубления в психику героев, без всякого тщательного выписывания реалистических подробностей. Класс, закрепившийся на командных высотах, создает искусство, призванное приносить с действительностью, искусство униформаторное, благожелательное. Таково в конечном счете, несмотря на отдельные революционные черты, творчество Л. Н. Толстого, любящего исследовать мельчайшие душевные движения всех этих Безуховых, Вронских, Левиних, Нехлюдовых для доказательства того, что и эти баюшкини счастья имеют свои терзания и невзгоды, что и они ничем не классны сравнительно с окружающим классическим океаном, если погрузиться в глубины их переживаний. Творчество Толстого, конечно, выражает не

одну только это идею, но для его метода она является первостепенной, основной, как для его философии основной является идея самосовершенствования, противопоставленная борьбе за усовершенствование, т. е. перестройку общественных отношений.

Каков не творческий метод пролетарской литературы?

Искусство пролетариата не может быть пассивным. Это первая буква марксистской азбуки. Литература пролетариата не может только отображать действительность. Она должна активно содействовать передаче этой действительности сообразно классовым задачам пролетариата.

Можно ли с этой точки зрения признать, как это пытаются сделать некоторые товарищи из журнала «На литературном посту» (В. Кирилов, Еришилов, Либединский и др.), ведущим методом пролетарской литературы психологический реализм, показ «жизни человека»? Задачей пролетарской литературы тут ставится углубленный психологический анализ, усердное выворачивание нутра каждого из действующих персонажей путем передачи хода его переживаний. Этот творческий метод не нов. Он прямой дорожкой ведет к Толстому.

Психологический анализ помогает усилить внутренние движущие силы, управляющие приближением нынешних поколений к тому типу нового человека, который достигнет полного слияния личных интересов с общественными, который смотрит на мир зоркими глазами коммуниста, осознающего задачи класса, как собственные. По прекрасному выражению А. Безмяниного, в каждом из нас борются различные «фракции чувств». Психологический анализ, правильно употребленный, даст нам художественные произведения, которые приводят к позорному столбу «меньшевистскую», «эсерскую фракцию» и покажут маршрут к победе большевистских чувств. Это поучительно и полезно. Но психологический анализ одиночки недостаточен для того, чтобы перед нами предстали классовые конфликты, размыгивавшиеся в массовых масштабах.

В дискуссии о творческом методе непорочно большое место заняло обсуждение романа Ю. Либединского «Рождение героя». В погоне за «живым человеком» автор этого романа отодвинул на задний план общественные отношения, работу, классовую борьбу и, уютно расположившись перед мольбертом, стал живописать любовную историю коммуниста. Ю. Либединский заявил, что «живой человек» должен быть

классовым, если мы не хотим иконостас, а классовый облик не может быть показан вне общественных связей, вне роли человека в классовой борьбе. Нельзя налагать запрет на сюжеты, касающиеся любви. Но нельзя забывать, что любовь является стержнем бытия только для просящего, ничего общего с пролетариатом не имеющим. Показать коммуниста через изображение одних любовных переживаний, показать эти переживания как главное в коммунисте—значит исказить историческую, классовую правду.

Писатель И. Макаров написал рассказ «Остро», в котором описывает кулака, видящего, как рушится все его благополучие, и, под конец, убивающего одного из колхозников, ведущих борьбу с прежним владетельным деревни. Кулак в этом рассказе показан «изнутри», таким, каким он кажется самому себе. Более того: бедняки и колхозники, данные в рассказе, показаны такими, как их видит кулак. В результате, как уже справедливо указывали в печати, кулак предстал перед читателем затравленным, гонимым человеком, и его террористический акт воспринимается лишь как результат глубокого личного надлома.

Не просто «отображать» ниспущку, а восставать против того, что в этой ниспущке содержится заколосеное, гнилое, не пригодное для формирования революционера, должен пролетарский художник, прибегающий к психологическому анализу. Не «спервопочасть» в классово-враждебных персонажах, а показывать их с точки зрения тех героев, которые противостоят этим персонажам в произведении. Не замыкаться в интимном мире героя, а раскрывать его в классовых связях, в общественных поступках. Не подменять диалектики общественного развития, в результате которого изменяются люди, толстовской философией самосовершенствования. Психологический реализм служит лишь мостками для нового творческого метода, обогащенного действительностью публицистики, прокламационной призывностью к делам.

Но может быть, в таком случае лучше прямо вручить вожаки той группе писателей, которая во главе с Безмяниным, Горбачевым и др. проповедует **обнаженно-политическую установку** в художественной литературе?

Ведь мы имеем превосходные образцы агитационных стихов Маяковского, «Выстрел» Безмяниного—теперь, в которых и не почва психологический анализ, и которые, вместе с тем, отлично организуют чувства и волю масс для практического созидания социализма. Такой вопрос вполне законен, но существование «Выстрела» дока-

зывает лишь неправоту гонений на метод, каким написана эта пьеса, а не его исключительные прелесть и художественность. «Выстрел», превосходно выявляя суть классовых схваток, односторонне, но зато абсолютно по индивидуальному. Герои Безмяниного—обобщения. Показать их можно. Агитационное, а, стало быть, и художественное впечатление такого показа не столько полезно, чем показ «индивидуального» кулака в Макаровском рассказе. Но мы все же не хотим отказываться от познания того, как общественное отражается в индивидуальном. В это познание нужно осветить торжество чувства «большевиков». Между тем, метод «Выстрела» всю эту борьбу, полем сражения для которой служит сознание любого ударника, любого новичка-комсомола, оставляет за кулисами.

Ни метод Либединского, ни метод Безмяниного не завоевали себе права на исключительную поддержку. В этом отношении совершенно недопустимы попытки В. Еришилова и др. расценить выступление пролетарских производственников Либединского, Фаддеева, Кирилова как нападку на РАПП и, главное, на политическую линию РАПП'а.

Ведь принят был в РАПП В. Маяковский, все творчество которого в последние годы было сплотившим сознанием против психологического реализма в его еришиловском обличьи. Ведь только безнадежные борютаки способны обвинять «Выстрел» в политической неверности оценки явлений. С таким же политическим тезисом, поддерживаемым РАПП'ом, позволительно спорить, расходятся «Выстрел» или VI том Маяковского, коренным образом отличающиеся по своему творческому методу от производственных главы школы—Либединского? Творческими методами могут несовместимо сосуществовать конкретные художественные произведения. Победит тот, на стороне которого окажется более мощная фаланга произведений, действительно отталкивающихся на производстве, возмущающих идеализмом в городе и деревне, активно разоблачающих классовых врагов, активно организующих волю и чувства масс на социалистическую стройку.

Пока же нет никаких оснований, критиковать отдельные недостатки обоих методов, отводить одному из них место в ряду, а другому в аду. В чистиле творческой учебы, всего вероятнее, произойдет слияние отдельных элементов того и другого метода. Ведущим методом несомненно будет метод реализма, показав действительности не в схеме, не в общих линиях, а в полнокровной игре всех возможных красок. Отсюда, очевидно, что он не сможет отойти от изображения психики человека. Но ведущий метод ни на минуту не сможет благодушеествовать на позициях пассивного отображения жизни. А это значит, что место «самоанализа» займет анализ с классовым мерлом, что на первом плане окажется изображение общественной классовой динамики, преломляющейся в переживаниях героев, а не живописные любовных трагедий и идиллий, характерное для певцов «живого человека».

Восторженное отображение действительности со всеми ее противоречиями под классовым углом зрения, с установкой на действительность, на толчок читателя в сторону классовой борьбы—это и есть конкретное применение диалектического материализма в литературе.

Уже сейчас можно предвидеть, что новый творческий метод будет гораздо экономнее, чем тот, которым пишутся многочисленные эпопеи вроде «Тихого Дона». Новая литература, добывая максимальную действительность, следуя не в области исторического движения, а в борющейся авангарде—отметет унаследованные от толстовских некрополивых времен многогрозность и кропотливое коллекционирование подробностей.

Диалектический материализм, действительность, уплотненность материала, четкое классовое отношение—вот главные элементы, которые должны вобрать в себя любящая творческой метод пролетарской литературы.

И. Разгрозны" и "Тихие Доны"
Нам нужны

И лирический стих.

Но писателей наш колонию,

А не ряд марксизмовидных Толстух.

Из поэтического "Разгрозны" А. Безмяниного XVI съезда ВКП(б).

СО ЗНАМЕНОМ ЛЕНИ

ПЛАМЕННЫЙ
БОЛЬШЕВИСТСКИЙ
ПРИВЕТ

ЛЕНИН

КАВКАЗ

СЪЕЗД
от БОЛЬШЕВИКОВ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

ПРИТЕМ НАСТОЯЩЕ

Л. НАДЕЖДИН

РАБОЧЕ КРАСНОГО СОРМОВА ВЕЛЕЛИ ПЕРЕДАТЬ...

На Сормовском заводе мы пятилетнюю программу выполняем в области капитализации не в пять лет, а в три года.
В 1930—31 году программа Сормовского завода увеличилась до 130—140 млн. рублей. Эти цифры говорят, что победа на фронте социалистического строительства обеспечена. Если мы возьмем данные не только по Сормовскому заводу, но и по ряду других заводов, то мы увидим, что рост активности рабочего класса необычайно велик. В Сормове лучшая часть рабочего класса охвачена ударничеством. Ударничеством охвачено 60% рабочих. Растут ряды нашей партии. Сормовская организация выросла за последние 2—3 месяца на 3 тысячи человек. Разве это не говорит о правильности генеральной линии нашей партии, нашего ЦК, возглавляемого великим вождем и партия соратниками и учениками Владимира Ильича Ленина тов. Сталиным? Выступавшие здесь лидеры правого уклона путаются в ногах у партии и не хотят понять правильности решений партии. Мы только тогда поверим им, когда они на деле покажут свою работу в осуществлении генеральной линии партии. Вот что мне велели передать рабочие наших заводов.

Н. ЯРВУ

ПРОЛЕТАРИИ СЕЛМАШСТРОЯ ТРЕБУЮТ ТОЧНОГО ОТВЕТА ОТ ВОЖДЕЙ ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ

Рабочие, посылая нас на съезд, просили заявить съезду, чтобы он потребовал четкого большевистского ответа от вождей правой оппозиции. Пусть они здесь на съезде честно, по-большевистски, признают свои ошибки, которые они допустили за этот период. Пусть они честно признаются, по-большевистски, скажут, что линия их была неверна, была гибельна для нашей страны. Пусть они честно скажут, что они ошибались, что они хотят честно работать в партии на словах, а на деле. Этого требуют рабочие и должны потребовать съезд от тех руководителей, которые до сих пор на озвонили своих ошибок. Или с партии Ленина, или вне ее.

В борьбе с уклонами от ленинской линии выросла и оу не не отрицает теперь того неоспоримого факта, что знать, что партия теперь более, чем когда-либо, едина и сплоченной оппозиции, способной противопоставить о Ленин говорил, что принципиальная политика есть еди последовательно выполняли этот завет Ленина. Со зких успехов в борьбе за победу социалистического стро

А. Косарев

В ЛЮБОЙ МОМЕНТ, В ЛЮБУЮ ВЫСТУДИМ

У нас в партии не стоит проблема «отцов и детей», эта вечная проблема прошлых поколений, ибо молодое поколение СССР находится под руководством партии, признает это руководство партии революционным, необходимым, и это руководство пользуется у колодыни гигантским авторитетом и доверием. У нас существует неразрывная стальная связь между молодым поколением борцов и старым поколением. Вопрос о молодежи должен прежде всего быть вопросом всей партии в целом и ее руководящих аппаратов.

Было бы вредным и опасным сводить классовое воспитание молодого поколения к одному удовлетворению запросов так называемых здоровых молодежных масс. Такая постановка вопроса способна выхолостить идейную сущность воспитательной работы ВЛКСМ, сузить и искажить задачи ленинского комсомола, превратить его в какую-то своеобразную потребительскую организацию. Именно отсюда грозит комсомолу опасность несоответствия его работы, содержания его работы, с задачами, поставленными реконструктивным периодом. Именно здесь кроются различные правооппортунистические теории о нейтральности комсомола в политической жизни. Тот, кто пытался бы волюн или неволю наложить запрет на участие трудящейся молодежи во всех областях социалистического строительства, кто хотел бы замкнуть комсомольцев в рамках внутрикомсомольской жизни и узко-юношеских вопросов, — тот тормозил бы процесс коммунистического воспитания и классовую закалку пролетарской молодежи, тот объективно играл бы на руку классовому врагу. А такие настроения есть и особенно они характерны для правых оппортунистов и в нашей партии, и в нашем комсомоле. Основная задача ленинского комсомола состоит в том, чтобы неизмеримо более усилить и расширить фронт своего участия в различных областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни, ни в каком случае не ограничиваясь одним только молодежными запасами.

Революционный антивизм пролетарской молодежи постоянно рождает все новые и новые формы борьбы и работы. Комсомол становится значительной хозяйственно-производственной силой, но нужно прямо сказать: у комсомола мало хозяйственной

Расти индустрия!

расти индустрия!
твоё большевистское

Тов. КИРОВ
Ленинград

РЕШИТЕЛЬНО И БЕСПОВОРОТНО ПОКОНЧИТЬ С ПРАВИМ УКЛОНОМ!

Надо прямо сказать: каждый лишний процент тепла в нашей индустриализации, каждый лишний колхоз — все это было достигнуто не только в борьбе с уклоном и прочими контрреволюционными элементами в нашей стране, это было достигнуто в борьбе против тт. Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. Это же надо понять, товарищи, и после всего этого тут люди ведут себя самоуверенно и добродушно речни. Весело, конечно, выходит теперь, и мы знаем, чего это стоило, и для того, чтобы нам обеспечить успех нашей социалистической стройки в дальнейшем, нам надо на XVI съезде нашей партии совершенно твердо, решительно и бесповоротно покончить с правым уклоном.

на стройки
колхозы и фабрики ХЛ

цве

НИНА ПОБЕДИМ!

крепла наша партия. В борьбе с уклонами выковала она в себе ленинское единство своих рядов. Ни кто никогда еще не была так сплочена партия вокруг своего ЦК, как теперь. Все вынуждено теперь при- и сплочена, что XVI с'езд является одним из немногих с'ездов нашей партии, где нет больше оформленной свою особую линию генеральной линии партии. Чему обязана партия этим своим решающим достижением? единственно правильная политика. Мы вышли победителями из борьбы с уклонами потому, что честно и знаменем Ленина победили мы в бою за Октябрьскую революцию. Со знаменем Ленина добились мы решающего успеха. С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире. Да здравствует ленинизм!

Из доклада Т. Сталина на XVI с'езде.

С трибуны с'езда

МИНУТУ ПО ПРИКАЗУ ПАРТИИ НА ФРОНТ

сориентировки, мало хозяйственной грамотности, а этого по-лучить нельзя, если наши организации будут сидеть только на чисто-юношеских вопросах. Несмотря на то, что комсомол в целом уже значительно повернулся лицом к хозяйственному строительству, все же имеется отставание союзного руко-водства от новых задач. Причины этого отставания коренятся в том, что хозяйственные вопросы все еще не занимают необ-ходимого места в работе многих комсомольских ячеек и комитетов. Комсомол все еще продолжает в отдельных своих звеньях жить вопросами, которыми он жил в восстановительный период. Это отставание нередко приводит к тому, что комсо-мольские организации не умеют во-время политически и орга-низационно закрепить растущую активность масс пролетарской и крестьянской молодежи. Отсюда охват комсомолом рабочей молодежи только на 80%. Это нужно поставить в большую вину комсомолу. С задачей 100% вовлечения рабочей молодежи в союз комсомол не справился. Это является предметом его дальнейшей работы.

Товарищи, между XV и XVI партийными с'ездами ленинскому комсомолу вместе с партией, под ее руководством, пришлось бороться с правыми оппортунистами, как с главной опасностью, а также и с «левыми» оппортунистами. Правая опасность стоит как главная и перед ВЛКСМ. Судьбы партии — это судьбы ком-сомола, опасность столкновения на пути партии, — это есть наша опасность. Правые пытались противопоставить ленинский ком-сомол нашей партийной организации. Прямо говоря: этот номер не вышел, не прошел. Мы этот номер разоблачили и на этом разоблачении воспитывали комсомольцев. Правые имеют свою платформу в комсомоле по вопросам комсомольской ра-боты. Смысл ее, коротко говоря, заключается в теории пересоспитания молодого кулака в комсомоле. Это — бесхребетная постановка вопроса об охвате комсомолом всей крестьянской молодежи, в том числе зажиточной и кулацкой. Комсомол за это время успешно разбил правых и «левых». Правые и «левые» не встретили никакой-либо заметной поддержки в рядах ленин-ского комсомола. Комсомол не имел, не имеет и не будет иметь отличной линии от линии нашей партии. Линия партии и есть линия работы комсомола. Комсомол за генеральную линию партии, и он это доказал в своей повседневной практической работе.

Н. АЛЕКСЕЕВ

НА КРАСНОМ ПУТИЛОВЦЕ ВРЕДИТЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ПРАВЫЙ УКЛОН

У нас на заводе шла большая борьба за выполнение программы. У нас было чувство великой ответственности перед страной за каждый трактор. Каждый наш рабочий отлично понимает значение трактора для коллективизации советской деревни.

На одной стороне были этакимы, социаль-листическое соревнование, ударничество. На другой стороне были недооценка творческой инициативы масс, косность, бюрократизм и на этой основе — вредительство. Вреди-тели отлично использовали правый уклон.

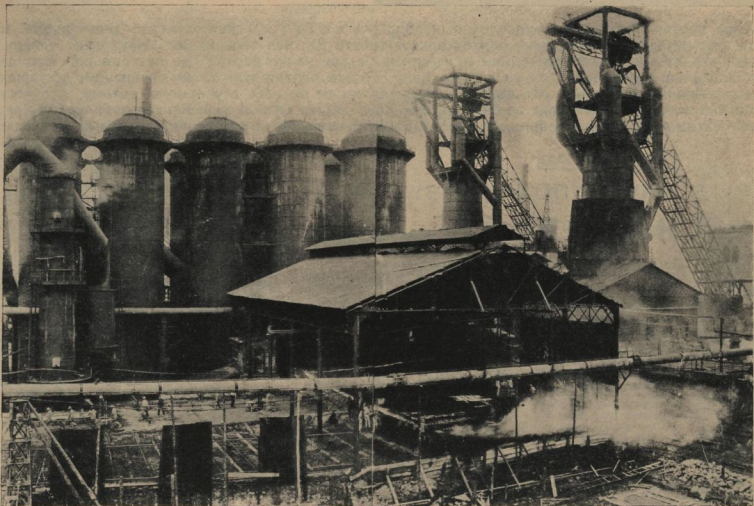
На Путиловском заводе вредители стреми-лись сорвать программу тракторостроения и снизить качество наших тракторов. Правый уклон на практике получил яркое выражение на нашем заводе.

Правительство в прошлом году пред'явило программу на 3.000 тракторов, техническая же часть «донизвала», что можно выпу-стить только 2.000 тракторов. Ячейка зава-д и пролетарская общественность протес-товали против этого, и они победили. Про-порочество о неосуществлении темпов не сбы-лось. Пятилетку мы выполняем с превыше-нием. И концу пятилетия намечалось про-изводство 10.000 тракторов, а уже во вто-ром году пятилетия мы выпустили 12.000. Кроме того, налицо имеются возможности дальнейшего увеличения темпов. Я считаю, что необходимо полный разгром правой оппозиции.

ветет над тобой
е небо...
Идут за тобой
ну и в бой
КЛЕБА.

Керченский чугунолитейный завод. Общий вид.

СОРЕВНОВАНИЕ В НЕДРАХ

Я. Эстеркин

СОРЕВНОВАНИЕ В НЕДРАХ

В кабинете начальника строительного цеха стоял рабочий. Окружив небольшой стол, они говорили вполголоса. «Невозможно — и все тут, вода, грязь так и заливают. Кругом пар, дым, теснота... Совсем нельзя... Человеку так ничего не сделать».

Начальник цеха ничего не ответил. Он это знал и предвидел заранее. И все то, что сейчас ему сказали рабочие, только подтвердило его прежние мнение, что эту работу человеку выполнить очень трудно.

Речь шла о туннеле отходившей воды. Туннель соединен с домной, и через него выходит вся вода, прошедшая через целую систему труб и паропроводов, — ненужная, отработавшая. Перед пуском первой домны надо было очистить залеженный огромными глыбами шлака и засоренный мусором и отбросами туннель. Шлак надо было сломать, разрубить, вывезти, туннель должен быть чист.

Об этой работе говорил весь завод. Дважды строительный цех посылал туда своих лучших рабочих, по сорок человек. И ничего не выходило. Оба раза, проработав день, а то и полдня, приходили измученные, уставшие рабочие, потюпа голову, боясь прямо глядеть начальнику в глаза, стыдясь своей слабости, и заявляли: «Нет, это невозможно, там подожди, человеку там ничего не сделать».

И теперь, когда пришла третья группа, на которую все надеялись, как на самую впускную, всех взяло раздумье: что делать?

Пуск первой домны, подготовленной и назначенной на первое апреля, не может и не должен задержаться из-за туннеля. Туннель должен быть очищен, это понимали все. Но что же сделать, как быть?

Трудовые напряжения масс преодолевают немалые трудности. Иногда все же энтузиазм разбивается о прелюстия, слабеет воля, мускулы... Но не надолго. Слишком много образцов самопожертвования, боевого героизма, творческого напряжения у нас, непоколебимы традиции революционной борьбы с классовым врагом, борьбы не на жизнь, а на смерть. Это помогает собирать воедино силу, волю, энергию, творческий энтузиазм и центрировать обнаруживающиеся проорывы.

Черни молодого рабочего Керченского металлургического завода тов. Я. Эстеркина расует нам один из таких моментов. И здесь революционные традиции, героический пример комсомолец, отдавших в дни гражданской войны свою жизнь за власть советов, воодушают трудовым напряжением, силой и волей к борьбе небольшой коллектив молодых рабочих, на минуту спасавшихся перед непосильной работой, перед трудностями.

Отсутствие рабочих, начальник цеха вместе с общественными организациями продолжал обсуждать, как выйти из создавшегося положения. Все думали, предлагали, вносили новые и новые предложения, но ничего твердого решить не могли.

А на дворе стоял мороз. Норд-ост, влажный и резкий, страшный. Керченский ветер усиливался. Он трепал синие дысты плакатов, развешенных по всему заводу. Плакат выводил тяжелую формулу:

«Страна ждет чугуна!»
«Дашь чугуна!»

Все думали: не будет чугуна — не будет машины. Не будет туннеля — не будет чугуна.

Недалеко от котлоара работа комсомолец, групповод землекопов, Алеша Карамзин. Он услышал о трудной работе, порученной строительному цеху, и пошел в туннель. Оглядывая его, измерял, шарил в темноте, наткнулся на огромные, влезшие торчащие глыбы шлака.

Вечером было собрание комсомольцев цеха. Обсуждали вопросы производственного похода, объявленного на заводе комсомолом.

Алеша Карамзин взял слово. Он говорил о том, что комсомольской ячейке надо что-то сделать. Обязательна надо. Нужно общими силами очистить туннель отходившей воды. Тишина, наступившая после короткой речи Алешы, гонимая больше, чем слова Карамзина. В комнату врывался скрип тапек, заглушенная расстоянием, доносившая пугающая дробь пневматических молотков.

Не по-обычному прошло собрание. Необычно тихо говорил председатель, молчаливо согласился вся ячейка. Была в этой тишине неуверенность, страх перед тяжелой ответственностью железовиков работать.

Алешу Карамзина избрали групповодом и послали сообщить о решении ячейки начальнику цеха.

Так родилась первая ударная бригада на Керченском заводе.

У начальника цеха сидел прораб второго участка Литвиненко. В денюгу его находилась эта работа по очистке туннеля. В тот раз начальник и прораб прикладываясь, как легче и быстрее очистить туннель.

Алеша Карамзин сообщил им о решении ячейки выделить ударную комсомольскую

бригаду и очистить туннель. Улыбка мгновенно играла на его губах и потухла. Он не верил в комсомольскую готовность. Уже восемьдесят человек перебралось там, в туннеле, все старые, испытанные рабочие, а что могут сделать комсомольцы?

— Пустяки вы говорите, — сказал начальник.

Карамзин настаивал: один комсомолец может опробовать, даа, но когда решает целая ячейка, это не шутка.

Начальник нехотел сдаваться. — Давай, завтра выходишь на работу. В рабочем выездели в помощь Карамзину члена работкома, комсомольца Вазю Гасенко. Оба решили собраться перед началом работ все группы, наметить, как работать, установить дисциплину и обо всем договориться. Собрание назначили в клубе. Вечером из тридцати записавшихся в клуб пришли только восемнадцать. Мало. Неудача означала начало работ, смущала и заставляла привдуматься: выдержат ли?

Собрание открыл Агеша Карамзин: — Все знают, какую работу нам надо сделать?

— Все! — Видели шлак, видели пар, воду, грязь, все видели?

— Видели, все видели! — А кто боится? Кто думает, что не выдержит? Поднимай руку!

Звук заводской суматохи ворвался в комнату, вскинулись в тишину, стали освещаемыми. Передние огадывались все так же молча назад: не поднимет ли кто руку — сигнал страха, трусливого отступления. Две руки поднялись. Комсомольцы Мелкапуров и Шипошский отступили. И тогда гомон поднялся опять из комнаты заводские шум:

— Бойтесь!!!
— Да... не выдержим... Мы...
— Тогда кинитесь, не мешайте нам...

Запярками суэья, табуретки, загресли скамьи. Открылся свободный проход: уходите!

— Завтра, ребята, выходишь на работу, — сказал Карамзин. — Работа очень трудная. На нас смотрит весь завод, туннель надо очистить.

Выходили шумные, взволнованные, но пелесые. Прошались, пожимали друг другу руку и уходили в разные концы.

К туннелю пришли задолго до гудка. Все предстали столы, сгрудившись у спуска, и обдумывали, как лучше начать. Притягивали зомы, комы, кирки, тачки, доски, приспособления.

Сперва решили идти по старым следам, как работали первые группы. Кусочками шпалак и подымали щедржи вверх по ямке. Вода не давала стоять, сверху дул ветер и делался одежду, руки и лицо. Работать становилось все труднее и труднее. В туннеле было темно, сыро, вода прибывала, заливая всех работающих. Каждые пять минут из лампы выключался отработанный пар. Пар астискал глаза туманом. Комсомольцы не видели друг друга, работали на ощупь. Мороз и ветер пронизывали до костей. Так провела бригада первый день. Сделали, несмотря на бедные условия, мало. Бригада заскукала. Карамзин и Гасенко искали другого выхода.

Они ходили в ночной темноте по заводу, первая смена давно ушла домой, а два комсомольца вымеряли пространство заводской территории, тяжело, надсадившись думая о выходе.

Гасенко предложил: чистить снизу вверх, шлак выложить по туннелю. Решили допроработать. Работали круглые сутки, разбит предстидать человек на три группы.

В этот вечер в комсомольский коллектив завода было послано сообщение.

«В было коллектива КСМ Гомеязавода. Первая ударная бригада из комсомольцев строительного цеха приступила к очистке доменных туннелей от гравия, а также разбитие и вывозе шпалак и т. д. Работает в воде. Выдавшие салюги оказались скверного качества.

Кроме того, каждые пять минут в туннеле шумукают отработанный пар из котла кузачного цеха, и тогда не видишь рядом работающих товарищей.

Завтра собираемся все на конечный участок туннеля и будем работать круглые сутки.

Вызываем организовать ударные бригады все цеха.

С комприетом А. Карамзин.

С утра работа пошла быстрее. Один разбивали шлак, другие вывозили его за тачками в конец туннеля, третьи чистили гравья. Работать становилось труднее и труднее. Все время стояли по колено в воде, салюги пропускали воду, и ноги в них чавкали, как тряпки. Узкий проход туннеля зажимал вывоз шпалак, местами давал крен тачки в сторону, и рука, заставляя об острый камень, покрывалась царапинами и кровью.

Но бригада не сдавалась. Работа не прекращалась ни на одну минуту. Изодранные руки завязывали тряпками и продолжали вонять и рубить. Продолжали, стиснув челюсти до зноба, до боли, бороться с наступившей водой, шпалаком и гравьем. Крошачи гравья землю, шли вперед и вперед.

Так прошло семь дней. Семь тяжелых дней работы, равной которой еще не было на заводе. На восьмой день некоторые дрогнули.

— Не можем больше, сил нет!
— Карамзин остановил работу и обвинул: Давайте отдохните. Только полчаса. Собирались в кучу, тут же вод земля, не вылезали на поверхность, чтобы не устраивать себя. Агеша Карамзин сказал: — Слыхали вы, что такое Трипольская трагедия, ребята?

Бригадники не знали этой героической эпопеи комсомола, они не слышали о том, как шли умирать десятки молодых украинских рабочих, защищая совети. Не знали об этом ни комсомольцы, ни только что тридцатые с полем ребята. Агеша напомнил имена расстрелянных, изрубленных и замученных комсомольцев, дикие зверства «зеленых», последние судороги, предсмертные агонии. Их вели на смерть, габель, расстрел, а они кричали: «Да здравствуют совети». Они бились до последней капли крови, до последней капли крови... Агеша кончил, а ребята все еще сидели вокруг. Потом один сказал:

— Хватит! Давай работать. Еще вот как — до последней капли крови... до последней... Фронт и здесь ведь...

И все снова влезли за тачки, мотыги, заступы, вгрызались в шлак, в землю. Когда становилось особенно тяжело и люди начинали дрожать, Агеша читал мифы Мавкопского, декламировал боевые стихи, и бригада да опять шла без усталости и единого слова вперед и вперед.

Прошло десять дней. Туннель был чист.

Тридцатый комсомолец и три беспартийных очистили туннель за шесть дней до срока. Их работа, имена — героический подвиг шестидесяти — вписаны в историю социалистического наступления на Керченском заводе. Их имена и дела останутся в памяти у всех, кто вместе с ними в те дни, месяцы работал, боролся и побеждал.

На следующий день утром бригада пошла к начальнику цеха.

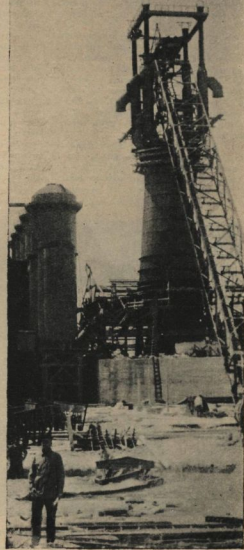
— Работа окончена, — заявили они. Начальник чувствовал себя неловко.

Карамзин напомнил ему:

— Товарищ начальник, когда целая ячейка решает, помните, это вам не шутка.

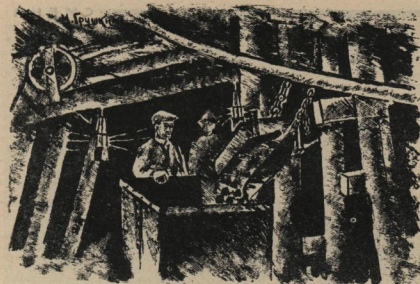

Новые доменные печи на Керченском заводе. Одна из них будет выпустит 85 тонн чугуна в год.

ТВОРЦЫ НОВОГО

А. А. Булгаков и Ив. Мартынов

„Доббасс“, шахта № 1.

Рис. Ив. Гришякина.

ПОДЕЛИТЕСЬ ОПЫТОМ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЖИЗНИ

Мы хотим знать все, до последней мелочи, об организации и жизни производственных и бытовых коммун

В № 10 «Смены» за этот год был напечатан очерк «Коммуна — не мечта». Очерк рассказывает о том, как строят коллективную жизнь члены бытовой коммуны Пролетарского района в Москве.

Фактами доказывал очерк, что бытовая коммуна — подлинная форма нового быта, что она коренным образом изменяет весь строй жизни, делая из человека дисциплинированного, культурного и общественно-активного члена коллектива.

Но правильно организовать коллективную жизнь дело трудное. Возникают десятки и сложных и мелких вопросов. Редакция «Смены» получила целый ряд писем-откликов на очерк. Ученики Иваново-Вознесенской районной школы ФЭУ и ульяновские комсомольцы-строители решили создать у себя бытовые коммуны.

Но они не знают, с чего начать, кого брать в коммуны, какие установить порядки. «Смена» помогла делегату от Иваново-Вознесенских фабзавучей устроиться на месяц в коммуны Пролетарского района с

тем, чтобы он, живя полной жизнью коммуны, сумел использовать ее опыт у себя в Иваново-Вознесенске.

Конечно, в массовом масштабе такое знакомство с бытовыми коммунами трудно организовать. А вопросов, требующих немедленного разрешения, много.

Как, например, быть со строителями-сезонниками, которые зимой не работают — можно ли их брать в коммуны? Можно ли брать в коммуны слушателей — библиотекаря, пианиста, студента? Как быть, когда у одного заработок — 18 руб., а у другого — 110 (это крайности) и оба желают жить в коммуны? Как правильно организовать питание?

На все эти вопросы должна ответить живая жизнь, живой опыт бытовых и производственно-бытовых коммун, которых у нас не так-то мало.

«Смена» обращается ко всем коммунарам, ко всем строителям бытовых коммун: расскажите о себе, расскажите о вашей коллективной жизни, поделитесь всеми успехами и неудачами.

В очередь отнеслись недоверчиво:

— Нелья, Ильшю, не пойдет никто.
— Как не пойдет, ведь в других местах пошли?
— Ты, браток, одного не забывая: у нас шахта, а не завод, народу деревенского уж больно много, крепко за собственностию держатся.

— А разве не комсомольская задача перовоспитать их?

— Попробуи...
— Секретарь неопределенно махнул рукой и погрузился в свежую папку циркуляров. «Ауденция» окончена.

В большом двухэтажном корпусе-казарме ютились большая часть рудничной молодежи.

Жизнь в сером корпусе мало чем отличалась от жизни старой деревенской казармы. Голые нары, грязь, смрад, картонная игра... В полукупе пьяные оргии, драки, битые окон. В полукупе же отгадывали корпусные пьесы шахтерским страданиям под неизменную гармонь:

Хорошо тебе на воле
Слушать ласковым словом,
Быбывал бы ты в забое
И узнал бы ты, что я...

Пора придет нам в клеть садиться,
А на сердце грусть, тоска,
Не знаю, что со мной случится,
Живым ли выведу меня...

Комсомольцы-активисты выделились в отдельную казарму, оборудовали, обстроили ее, назвали «школастикой».

Забавля «школастики» о других казармах, замкнулись, а себя, только по большим праздникам, с оркестрами, плакатами, флагами приходили они, горячо призывая жителей серого корпуса к «бюсовой матери забросить воду, всем, как один, вступить в социалистическое соревнование».

От их речей не делалась лучше казарменная жизнь. Лениво подымались казарменники, когда их звали, позывались. Рассматривали чистеньких ораторов. Также лениво расходились...

Вначале вновьволялись, говорили:
— Зачем эта торжественность, зачем эта словесная пышность? Почему в комнату не зайдете, почему помочь не хотите? Ведь год целый сямеек добиваемся, кушаем на постылах...

А потом и вовольваться перестали:
— Все равно не помогут...

Ильшю Шевченко жил в общей комнате, жизнь серого корпуса трогала, волновала его, но раз заставляла крепко задуматься.

Обращался к секретарю коллектива:

— Ведь нельзя же так, ведь по-спивски живем.

— Чего пристаешь? Два выхода на казармы провели, намечается третий, что еще нужно?

— Только не выходи, нужна практическая помощь, поможешь? Нет умывальников, надо добиться, чтобы были.

Нужна лекция, беседа, нужен красивый уголок, культурные вечера...

— Брось ныть, вечно плачешь, вон куда завернул: вечера, красный уголок! Жили бы уголка, проживем еще...

В одной из московских газет Ильшю прочел:

— На заре АМО организовалась культурно-производственная коммуна...

Решил:
«В лесенку разобьешь, а организацию у себя такую...»

Беседавал с комсомольцами, с беспартийными, выступал на собраниях. Все соглашались, все поддерживали, но как только доходили до пункта — «денги в общий котел», руками и ногами отмахивались:

— А ежели в денечку в киншук повести захочу, кто мне на это дело средства ассигнует?

— Кто сапоги мне купиет?

— Кто купиет белье?

— Не хотим коммунал!

— Не хотим...

Только трое поддержали, трое организовались в коммуны, Ильшю четвертый...

Трудно было вначале. Комната общая, двенадцать человек, четверо коммунаров в углу примостились. Когда садился заниматься, остальные девять «соседей», слоню по комнате, начинали пить и свистеть. Газеты ежедневно куда-то исчезали, из книжек вырывались листы на «шпарки»... Грязные ложилась «соседи» на койки коммунаров, играли в карты, ругались. А когда коммунары указывали им, грозил:

— Ежели приставать будете, поодиночке передемши ночью.

Приходили пьяные из других комнат, буйствовали, кричали:

Ручная откатка угля.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОММОДА

Иосиф Пустынский

— Коммуны организовали? Изничтожим всех, искалием!

Был случай, который чуть не привел к гибели всего заето.

Когда коммунары спустились в шахту, а тогда остались запертыми закло коммунары Костик Хаатов, сгоравшиеся жизнью предложили ему выпить «чарочку». Парень сначала крепился, отнекивался, а потом не выдержал. Выпил рюмку, за ней другую, третью, спьяна проглатал общие деньги, проиграл одежку коммунаров.

Вернулись ребята домой. В комнате кавардак все раскидано, разбросано, на столе пустые бутылки, обрывки хлеба, банки из-под консервов. Задрав ноги, хрипяти Костя на кровати. Сразу поняли—случилось что-то недоброе. Разбудили Костю. Хотели избить его, зато взяли... Ведь не остался ни копейки, а до получки еще две недели.

Долго совещались. Решили: Косте вынести строгий выговор с предостережением, а в коммунах все же оставить. Деньги попытаться достать в кассе замкомуниса.

Обыграв завсера перебитый хулиган в корпусе Алексея, С набитыми черномизами карманами он бегал по коммуна, дразил:

— Вот они, вот-они, наедаются.

На другой день протрезвившийся Алексей принес выигранные деньги.

— Прините в коммуноу — отдам, не примете — пропало...

Решили принять. Свои деньги отделили, остальные распределили среди жильцов, обогранивших Алексея.

Случай этот поднял авторитет коммуна. Все ссылая комната вступила в члены коммуна, все двенадцать человек получили «мандат» на право коммунарической жизни...

У хулигана Алексея? Потому, что не знал, куда деваться, потому, что негде было приложить своих сил, своей энергии.

— Эта грязь, этот скотский образ жизни в корпусе убивал меня, только алкоголь давал выжить. Потому я и пил, пил много. Сейчас занимаюсь, думаю в этом году в Горный институт поступить... признается Алексей.

В комнате у коммунаров чисто, уютно: газеты, журналы, груды книг на этажерке. Каждый член коммуна имеет несколько смен белья, у каждого по новому серому костюму. Сытно едят, коллективно посещают театр, учатся... Все члены коммуна уютно жили в комсомоле...

Жизнь коммунари заинтериговала обитателей серого корпуса. Уже приходят они к коммунарам не ругаться, не бунтить, нет—присматриваются, учатся строить новую жизнь. Пять коммуноу сейчас в корпусе, Шевченковский—шестая.

На одном из совещаний коммунари Ильшова Шевченко бросил вызов:

— Мало построить свою личную жизнь, коммунари мы должны быть не только в быту, но и на производстве. Объявляю себя мобилизованным для работы в шахте на все время пятилетия. Организовываю ударную бригаду. Кто за мной?

Двенадцать ребят завлились к потолку.

Так впервые организовались на руднике ударная бригада молодежи.

Участок, где работали коммунары, стал показательным. Норму перевыполнили на 20, а иногда и 30 процентов. Хозяйственные подвывают о том, чтобы одного из ударников выдвинули на должность дежурного.

Пример шевченковского бригады подавляюще заразителен. Большинство рабочих (80%) стали ударниками, все вступили в социалистическое соревнование.

А шахта? Шахта—первая в районе, шахта—на красной доске, шахта крепко держит вот уже более года переходное знамя. Жизнь стала как-то веселее, и цель жизни есть, и поется уже полная безнадельности песня:

Влет порою по залуку,

Летит колодезь вода.

Другое песни воле шахта...

Шахта «Коммунарка».

ВРЕМЯ, ТЕМПЫ И ЛЮДИ

Литературная комсомолия начинает свою историю на книжках колонках юношеской печати, в борьбе, в работе...

Днепропетровск—не исключение. Вот отчего имена поэтов «первого призыва» Госодиного, Светлова и других тесно связаны с нашей организацией. Как говорит Голодный:

На знаменах Днепропетровска
Вышиты мои стихи...

Творчество «первого призыва»—это во многом история чувства, чаяний, устремлений тогдашней комсомолии. Мы хорошо понимаем, что иначе и быть не могло. Литературный Днепропетровск прежде всего характерен «молодежной окраской».

Оттого ли, что Днепропетровск соединил в себе тенденции индустрию и культуру но отсталости оттого ли, что комсомол стоял в стороне от руководства литературой, но, влетая группой и журналом «Молодая Кузница», кривая роста комсомольских литературных сил начала стремительно...

Последующие годы, проини под знаком «Пролеткульту», но умер и «Пролеткульт». Время, время! Оно неслось, требовало, смеяло, а «Пролеткульт» плелся, отбивал от жизни зрелищные стихозаписи, и они умер—пролеткульт.

Это так естественно! Но будет нечестно, если не отметить, что все-таки именно «Пролеткульту» подготовил и заказал ядро «первого призыва»—хороших и крепких парней с заводов, которые потом доказали, что они умеют «взять суть за хозку», драться и учиться, работать и организовывать...

... ПРИМИ И ЗНАЙ...

У каменных ворот, где многоцветие вывесок, небольшая жестянка:

Библиотека АРПИ

(Ассоциация рус. рев. писателей)
Правление в Киеве

Гнездовые врагов, Дворнички. Нзямские сыновки. Звезд собираются вечерами, здесь читают гимназические стихи, добротный альбом, стихи о «роботках», о «красных цветках», о втором походе желтой расы на Европу, отсюда арыват пыльные уступки врагу и захватывали клубные сцены.

Но часы «писателей» АРПИ были сочината. Интрукция «Комсомолия» (о которой никак) и газета «Звезда» заблели тревогу. Началась борьба, АРПИ расширилась. Разрушили. Вытгивали товарищей, по ошибке попавших в болото богемы и «золотой молодежи». Намечен осенью 1928 г. АРПИ благополучно издох.

Но четыре строчки, написанные арповским поэтишкой Марком Шехтером на книге «Марксизм и критика», мы крепко зарубили в память.

Прими, беснелый мой витник,
кто теверя, дешевые жаны,
прими и знай, что лебид критик
пролея розгатыл иверь — марксизм...

Шехтер обогнали. Следил зорко—врагу не сдобровать.

ЭТО КОМСОМОЛЫЦЫ...

Теперь о новом этапе, начинающему новую страницу.

Культхозкульту комсомола Днепропетровск обилие созданием районных литературных групп. Ими было четыре в «Комсомольской республике «Комсомолия», на Амуре—«Комсомольский-литератор», на Кайдаках—«районная» и в центре—группа Иона. Кроме того, появились группы в уездных городах (Камениское, Бессмер, Синельниково, Павлоград).

Чем же живут группы? О буднях и делах литературной молодежи и будет разговор. Районная литературная «Комсомольская» Красно-Челевском райкоме ЛКСМУ. Работы два года в литературе. Ребята определенно нажимают на литературу факта. Это ясно.

Все дела «Комсомолии» характерны конкретной помощью комсомолу. Мы выпускаем «хозяйственные листовки», бюллетени соросоренности, песни. Мы горды сопоросоренности. Мы живем со своей программой «социального заказа в литературе», «функциональной и необходимости образов» стоят вопросы хозяйственной работы комсомола. Все «Комсомолия» тесно связана со своей газетой «Майбутина змяна», помогает ей, работает по ее заданиям, организовывает газетную бригаду.

Прошлого подвига, а теперь не реальность встретиться на страницах «Майбутина» рачоуку в которой:

Страница зроблена газетноу бригадоу
литрупиу «Комсомолия».

Эти рамки—наша гордость и лозунг.

Как и куда мы растем? Вот Смулянская (работница оковочного цеха фабрики Машова). Она идет хорошо и уверенно вперед. Начала печататься. Ее интересует быт молодежи. Она показывает дифференциацию местечка (рассказы: «Сын Самуила Колозювача», «Как это бывает в Каневе») и последние повести про Лорку, как дважды да доказала, что во-первых, может многое сделать и что, во-вторых, много должна еще учиться (как и все мы).

Стройка, сезонины, полусезонка, черенство, мелкобюджетнистские стремления, дисциплина, комсомольцы, ударники, камешники, створилы. Волнуют эти темы и пишет о них комедии А.Д. Беллингов («Те место в конкурсе «Смена»), совместно с И. Пустынским и И.И. Мельничук «Законченный шаг Трама пьесе «Сю»—пьесе о борьбе рационализаторов за улучшение качества газа.

Пустынский, тоже работник, рабочий-металлист, деревце пишет пьесу над его шедами в темами все тот же знаме «Комсомолия»—страны веселой и богатой).

Одесс Крилевич написал пьесу «Прория» (о промприлизме). Она пойдет осенью в государственном театре им. Шевченко.

Единственный поэт «Комсомолии» Иона Лебедь (завод Петровского)—певец ково-бедного, домен, ударной бригады каталек, техника. При серьезной всамделишной работе Лебедя несомненно вырастет в хорошего и оригинального поэта.

ДАЕШЬ «СМЕНУ»!

Большинство украинских поэтов и прозаиков сконцентрировано в Амурской райгруппе. Здесь С.П.Левко (механический цех зав. Карла Либкнехта) хорошеет борьбу немногого романтика, поэт, печатающийся в столичных украинских журналах. В ближайшем времени выйдет книжка его стихов.

Тамара Леонюк в пишет в жизни комсомольской юности, пишет пьесу, аналитиче жинет и боленет комса, но ей нехватает умения сработать рассказ.

«Человек без костюма»—Навкитина, члена этой же группы—вексель на хорощую дорогу вперед.

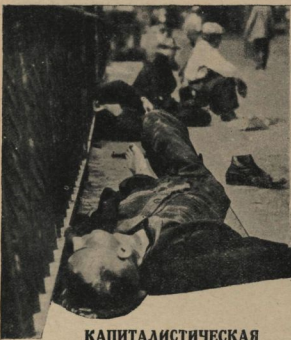
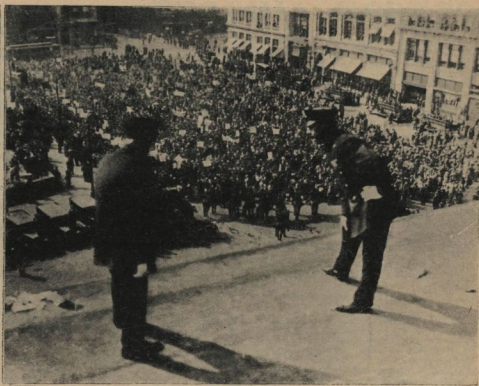
Кроме этих товарищей надо еще отметить Г.Гладкова из группы Иона.

Вот основной костяк писательского молодежь, частью объединенного в общерайонскую группу, организованную по инициативе ОК ЛКСМУ и газетой «Майбутина змяна». Вот—в бедгах стихах—литературная комсомолия Днепропетровска.

Мы уже можем сказать свое слово о Днепропетровске—городе индустрии и в центральной печати. В этой области у большинства курс на «Смену»—журнал боевой комсомольской жизни. Мы должны крепче связываться с ее читателями, больше выдвигать и свой местный комсомольский журнал. А для этого нужны деньги. Деньги могут быть. Они должны быть. Дашь журнал! Так жинет, так работает.

Днепропетровск.

1. «Градусная Смена».

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ „СТАБИЛИЗАЦИЯ“

Классовые бои захватывают страну капиталистического «процветания» — Америку, они врываются в государство молодого капитализма Японии, они потрясут основы Британской империи и заставят трепетать китайскую военизацию. Улицы капиталистических городов нередко являют собою передовые позиции революционных масс пролетариата. На наших снимках отдельные эпизоды, говорящие о подымающейся революционной борьбе. Справа вверху и справа в низу — картины забастовки трамвайщиков в Токио: публика тихо ждет трамвая; коллективное питание бастующих; слева внизу и справа вверху — на улицах Нью-Йорка: безработные и бездомные в ожидании открытия «чашечки»; полицейские с крышки небоскреба наблюдают за демонстрацией, организованной компартией; справа в середине — улица в Шангае после бурной рабочей демонстрации.

ЗДРАВНИЦА ПЯТИДНЕВКИ

Н. Кальма

С утра Матвееву и Замкову в фабкоме сказали:

Ну, мы вам все устроили, можете сегодня ехать.

В тракторном цехе «Красного Путиловца» их засыпала волнующая:

— Что-ж, значит, едете, а когда вернетесь?

— На сутки, что ли?

— Ах вы, черти английские, семь раз переспрашивали, и везет же вам...

Оба парня еле успевали отвечать. Когда заревел гудок, возвещающий окончание работы, они быстро скинули халаты, вымыли руки и втиснулись в битком набитый трамвай, который довез их до Детского городского вокзала.

Полчаса пути — вот уже в яркое шашу старинных парков кутаются дворца Детского Сада. Земля покрыта тысячами солнечных пятен. Солнечные зайчики прыгают и пляшут в воде каналов, и ветер несет гребнем вздохмаченные головы. Кажется, что индустриальный город-гигант с глыбами домов и горячим дымом фабричных труб остался где-то чуть не за тысячу километров.

Бронзовый Пушкин спокойно сидит на скамье и не видит, что творится за его спиной. А за его спиной происходит действительно что-то диковинное. В фрейлинский корпус детского дворца, где некогда жили гошине и ветские, как старые полонцы, фрейлины, фыркающий автобус привозит каждый день со станции новых гостей. Крепко обняв парня с «Путиловца», «Электросила» и «Треугольника» веселой гуерой скрываются в глубине тихого бего-ди-зеленого дома.

Там, внутри, приезжих приветливо встречает юркий комсомолец, помощник заведующего, «агитпроп», как его в шутку зовут отдыхающие, и каждому приказывает к куртке номерок.

Это, чтобы мы знали, что ты наш, базовый, чтобы мы за тобой ухаживали, — поясняет он. Так из Матвеева и Замкова и наши два парня-путиловца превратились в №№ 101 и 102.

Но что это за дом? Для чего туда едут рабочие, как он называется?

Несколько месяцев тому назад в Ленинграде пять тысяч рабочих завед «Электросила» подали заявление Ленинградскому совету: «Ежедневно — говорилось в этом заявлении, — из пяти тысяч наших рабочих одна тысяча свободна, у них выходной день. Однако свой отдых эта тысяча проводит неорганизованно, в условиях старого быта, без пользы для себя. Наш пятидневный совет — создать для рабочих такие дома отдыха, где бы они могли культурно и коллективно отдыхать в выходные дни».

Второго марта Ленинградский совет вынес постановление об организации баз и в тот же день, а двенадцатого база была открыта в Детском Саде.

Прошло три месяца, и за это время база prosperала около четырех тысяч выходных. Четыре тысячи человек получили здесь основательную зарядку для продолжения и успешности своей работы.

Ежедневно в шесть часов автобусы привозят со станции новые партии отдыхающих. Приехавшие бегут под душ и вместе с гарью, копотью и машинным маслом смывают с себя все следы верной городской жизни. Так вот номера 101 и 102, вымывшись и почувствовав себя по-настоящему, отправляются осматривать базу.

Дом был большой и уютный. В каждой комнате была (умы-!) мягкая мебель, старинные диваны чинно стояли по стенам. В открытые навесы окая лилиями ветки, всюду стояли цветы, и кровати в спальнях были накрыты яркими одеялами. В большом зале рояль, граммофон и радио,

и поэтому называлась она «комнатой громкого отдыха». Зато другая зала, поменьше, где стояли только мягкие кресла, называлась «комнатой тихого отдыха». Номерам 101 и 102 помещенье решительно понравилось.

— То ли еще будет? Вы еще нашей еды не пробоовали, шамовка у нас классная, — сказал им один из отдыхающих, гостивший в доме уже четвертый раз.

Строго размеренное расписание ждало всех отдыхающих в базе, потому что цель базы — создать трудящимся культурные условия отдыха, научить их отдыхать организованно и привить им коллективные навыки.

Утром — зарядовая гимнастика и завтрак, экскурсия по паркам и дворцам Детского Сада, обед и мертвый час. После сна каждый занимается, чем хочет: один читает, другие играют в волебоа или в шахматы, третьи катаются на лодке.

После чаю наступает час заетейников и коллективных игр в большом зале. «Агитпроп» составляет при базе группу заетейников, которая организует досуг отдыхающих: ставит спектакли и загадывает шарды и шутки-пятиминутки, устраивает танцы, хороние пенне и т. д. В открытое кино далеко разнесены звуки музыки и топот ног, отпыхивающих трепака.

А на завтра наступает новый день труда и будней; и отдохнувшие и обновленные ребята возвращаются к своим станкам.

Комсомольцы и рабочая молодежь были первыми гостями базы; молодежь «Красного Треугольника» отдыхала в базе целым цехом. Старые рабочие ездят в базу менее охотно, потому что там «негде разойтись ни с водочкой, ни с закуской». Пытаются принести с собой в базу кусочки старого быта. В базе существует голубая книга, куда отгужающиеся пишут свои отзывы. Все она полна хвалениями словословиями еде, отдыху и веселью в здравнице-пятидневке. Но вдруг неожиданно кривая надпись:

«Желаю, чтобы чаще меняли завхозов, а то они заскучали, бюрократизируют и ничь человеку не дают. Кабулков с «Электросил»».

Поперек этого изречения короткое примечание: «Тов. Кабулков был замечен в попытке дебошестве и в поппении с собой двух бутылоч водки, которые были у него отобраны завхозом».

Кабулков и его водка вызвали горячую отповедь рабочих. «Как тебе не стыдно, тов. Кабулков, — пишут они, — дискредитировать такое хорошее начинание, как база отдыха. Бава она открылась, а ты уже хулиганишь».

Но такие случаи редки. Большей частью, попадая в базу, человек подчиняется дисциплине коллектива и причащается отдыхать культурно. Сейчас база организует помещенье для детей, чтобы могли приезжать и семейные, при базе открывается водная станция, теннис и различные спортплощадки.

Содержание одного человека в выходной день в базе обходится 2 р. 30 к. Один рубль

Под парусом.

Фото И. Зельмановича.

платит отдыхающий, а остальная сумма идет из средств профорганизаций.

Вы спросите, какие слабые места у базы?

Ахилесова пята ее — плохое медицинское обслуживание, нет медицинского осмотра приезжающих, кроме того, бедно поставлена культурбота. Но нужно помнить, что база существует только три месяца, и, конечно, в дальнейшем наладит эти недостатки.

База — не узко профсоюзная организация. Там отдыхают и металлисты, и химки, и текстильщики — без различия профсоюза. Детское-лесная база создана в виде первого опыта. Теперь, когда результаты показали, что это удачен, такие же базы открываются в Павловске, Петергофе и вторая — в Детском Саде.

Москва строит свою гигантскую здравницу — зеленый город; пока он будет готов, в Москве, а в провинции в особенности, не плохо было бы организовать такие дома отдыха для выходных. Рабочей молодежи на предприятных следует подумать об этом и первой поднять свой голос.

О ЧЕМ МОЛЧАТ

Недавно всю европейскую и американскую печать облетело короткое сообщение. Известный изобретатель Марconi (серый практически применимый радиотелеграфирование), находясь в Генуе (Италия), на своей яхте «Электра», открыл очередную всемирную электротехническую выставку в Сиднее (Австралия). В точно назначенное время он включил рычаг своего нового аппарата, и за 10 000 миль вспыхнули электролампы на всей территории выставки.

Этот из ряда вон выходящий опыт должен был бы вызвать бесчисленные отклики: статьи ученых, подробное описание аппарата, беседы с изобретателем, сведущими людьми. Вообще, столь важное изобретение должно было вызвать большой шум. А на деле: короткое сообщение, портретик и больше ничего. Ни статей, ни комментариев, ни бесед. Молчание.

В чем дело? Почему газеты всего мира старательно зашитают это исключительное открытие?

Прежде чем ответить на этот вопрос, уясним себе значение опыта Марconi.

В данном случае мы имеем дело с фактом передачи энергии на расстоянии, достигшей мечтой науки. Реализация передачи энергии без проводов открывает огромные перспективы. Крупная радиостанция, не связанная ни с одним пунктом проводов, питает энергией ряд фабрик и заводов. Береговая станция движет корабли, дает энергию аэропланам; электропровода без проводов, автомобили и аэропланы без обычных моторов, пароходы без котлов и турбин—разве это не блестящее применение научно-го открытия?

Заводы без электростанций; дома без обычных безобразных электропроводов; нефть и уголь становятся анархизмом, их потребление суется несерьезно. Питавшие станции будут работать на вечном белом угле, используя силу воды.

Трудно представить себе изменения, которые внесет в историю человечества применение такого изобретения.

Для нас совершенно ясно, что каждое новое изобретение имеет, различием прежде всего масштабы применения для военных целей. И в этом отношении значение передачи энергии на расстоянии огромно. Страна, обладающая секретом этого изобретения, имеет в руках новое могучее оружие.

Проблема передачи энергии на расстоянии давно занимает ученых, но до сих пор задача не была практически разрешена. Но предсказана была. Так, в 1913 г., незадолго до начала империалистической войны, в печати появились довольно смутные сообщения об интереснейших опытах Марconi на расстоянии, и затем два ученых—Филиппов в Петрограде и Уливи в Италии—объявили, что задача ими разрешена. Так, Филиппов удалось взорвать динамит в пустом

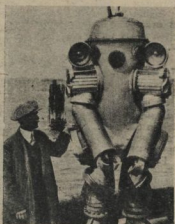
ПРОТИВ ВНУТРЕННЕГО ВРАГА

Германия запрещено вооружение. Но в одном случае ей позволено вооружаться — для борьбы с революционным пролетариатом.

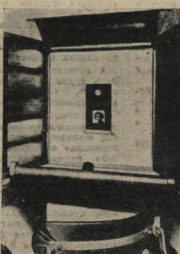
Последнее «мирное» оружие, сконструированное для этой цели,—бронированный полицейский автомобиль с моторной попой для разгона демонстраций.

НОВЫЙ ТИП ВОДОЛАЗНОГО КОСТЮМА

Сконструирован американским инженером Г. Д. Бодуином. Водлаз, помимо резервуара с кислородом и смесью, поглощающей углекислоту, снабжен телефоном, двумя специальными фонарями (на плечах) и смежными инструментами.

ДУХСТОРОННИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Новый прибор — «икнофон» Йорке, да возможность собеседникам, находящимся на расстоянии двух миль, видеть друг друга при беседе по телефону.

«НА СЕДЬМОМ НЕБЕ»

Кадр из «первой удачной» (по отзывам буржуазной прессы) звуковой картины «Король джарз».

Для того ли изобретали телефоны, чтобы «первой удачной» была такая пошлятина, как пошлячка на седьмом небе?

О ЧЕМ МОЛЧАТ

сарае в 40 километрах от его лаборатории, а Уливи взорвал старый катер на море. Вскоре после того, как печать обошла все, а всех об этом, оба ученика одновременно погибли при загадочных обстоятельствах: Филиппов был убит у себя в кабинете, а Уливи бесследно исчез.

Газеты того времени выдвинули совершенно фантастическое предположение об убийстве изобретателя таинственной ингой пачифистов. Но расследование обстоятельств смерти Филиппова привело царскую полицию, и дверям подсвиста магистратской державы и здесь замерло. Газеты сего сообщили, что изобретатель умер от случайного взрыва в лаборатории. Уливи, как писали по тому времени, ничего не изобрел, зарыв катера был сфабрикован; видя, что средства, отпущенные правительством, используются без толку, изобретатель поспешил скрыться. Но это, повторим, версия официальная.

Бесем ясно значение такого рода изобретения, если его удастся осуществить.

Может быть, потому и зашита газетой об изобретении Марconi?

Одно из двух: или Марconi действительно сумел передать энергию на расстоянии и телеграф, как сказано, не изобрел, вызвавший морта, не знает, что с ним делать. Он хорошо понимает последствия, угрожающие лично ему, как бы он ни поступил со своим открытием. Саником очень сильных и важных для него вещей, как бы он ни поступил. Некоторые изобретения опасны для изобретателя, и Марconi это понимает. Или, возможно, газеты замолчали, сконфузились. Прозвучала ошибка. Досадная опечатка. Марconi не открыл передачи энергии на расстоянии. Загляните лампочек на соседней выставке—фокус, трюк, не имеющий практического значения.

Своим молчанием капиталистическая пресса старается уверить весь мир, что произошла естественная опечатка, но опровержения не помещает. И приказано замолчать. Хозяин понял, что означает опыт Марconi, и приказал газетам молчать.

А витязком возмущ изобретения плетутся интриги. Англия напала на Марconi, что он уже семь лет, как носит титул лорда Англии. Муссолини вызывает к патристизму Марconi и вспоминает о доблести древних римлян, а представитель заокеанской державы вынимает чекую книжку и коротко спрашивает:

— Сколько?

Но как бы то ни было, существует изобретение или нет, будет оно продано или похоронено, ну иное значение его очень велико. Это понятно и капиталистам и патристизму, который в случае его реализации, сумеет вывернуть изобретение из чужих лап классового врага и использовать его для борьбы за социализм.

ЧАСЫ

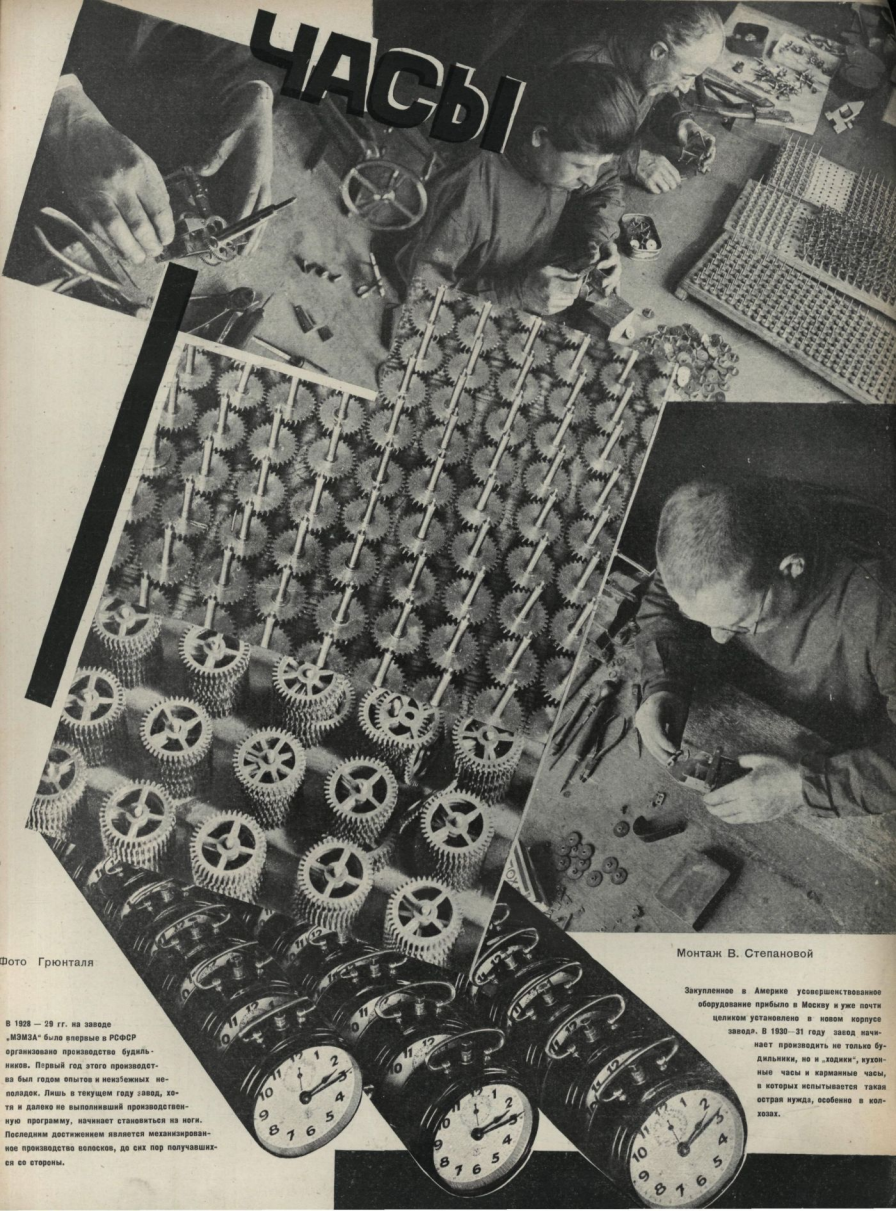

Фото Грюнтала

В 1928 — 29 гг. на заводе «МЭМЗА» было впервые в РСФСР организовано производство будильников. Первый год этого производства был годом сплотов и неизбежных неполадок. Лишь в текущем году завод, хотя и далеко не выполнивший производственную программу, начинает становиться на ноги. Последним достижением является механизированное производство волосков, до сих пор получавшихся со стороны.

Монтаж В. Степановой

Закупленное в Америке усовершенствованное оборудование прибыло в Москву и уже почти целиком установлено в новом корпусе завода. В 1930—31 году завод начинает производить не только будильники, но и «лодочки», кузнечные часы и карманные часы, в которых испытывается такая острая нужда, особенно в колхозах.

5. ЛОГОГРИФ-КОМБИНАЦИЯ.

Наш читатель М. Г. Кучин (Ярославль) предлагает на страницах нашего отдела развлекательный обаяние в порядке соревнования на сообразительность специальную задачу, называемую «Логогрифом-комбинацией». Некоторые эту же форму называют «Логогрифом грамотности». Но дело не в названии. Дело в форме. А форма довольно занятная и она, несомненно, привлечет внимание наших читателей.

Сущность ее сводится к следующему:

1. Дается слово, из букв которого нужно придумать как можно больше комбинаций. Например, слово может состоять из десяти-двенадцати букв, а из этих

букв, беря не меньше трех в каждом слове, можно придумать свыше ста комбинаций.

Очень часто одно и то же слово, состоящее из 4 букв, дает четыре и больше комбинаций. Например: сани—анис, лиса—сила.

По предложению товарища М. Кучина первым словом логогрифа комбинации объявляются слово

«ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ».

Присылайте ваши решения. Фамилии придумавших больше комбинаций будут опубликованы.

Организуйте коллективные решения задач.

7. ЭЛЕМЕНТОГРАММА.

Пользуйся ключом, находящимся в нижней части рисунка, прочти лозунг.

6. ЗАПАЧА НА СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ.

Как двумя ударами ножица избавить рабочего и двух работниц от неприятного соседства?

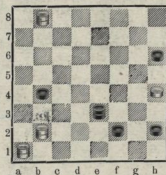
ШАШКИ

Под редакцией В. В. Медкова.

4-й конкурс решений задач и этюдов

Этюд № 12.

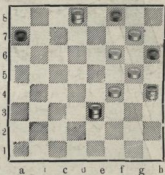
А. БЕЙЛИНСОН (Смоленск).
Посвящается В. В. Медкову.
Печатается впервые.

Белые: D. a1, b2, b8; пр. f4 . . . (4)
Черные: D. e3; пр. b4, f2, h2, h6 (5)
Белые начинают и выигрывают.

Задача № 5.

Г. П. БЕЛЯЛИН (Москва).
Печатается впервые.

Белые: D. a8, e8, h4; пр. f4, f6, g5, g7 (7).
Черные: пр. a7, h8, h6 (3).
Белые начинают и запирают две простые черные.

БИБЛИОТЕЧКА СМЕНЫ:

вышли, поступили в продажу и рассылаются подписчикам следующие книжки Библиотечки „Смены“:

1. М. КОЛОСОВ.—Речи Васи Марата; 2. И. БОГДАНОВ.—Веселые рассказы; 3. И. МОЛЧАНОВ.—Комсомольские стихи; 4. В. КИН.—Пытка электричеством; 5. П. ГУТЧЕВ.—Ветер с Запада; 6. З. ЧАГАН.—Катастрофа; 7. В. МАЯКОВСКИЙ.—Марш комсомольца; 8. А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.—День нашей жизни; 9. Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ.—Из дневника; 10. А. КОСАРЕВ.—Ленинский комсомол к XVI партезду.

